„БИБЛІОТЕКА ВСХОДОВЪ". № 3.

М. С. Минцлова.

По древней Литвѣ.

Путевые наброски.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Безплатное приложеніе къ № 3 журнала „Всходы" за 1914 г.

„Библіотека Всходовъ“.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ СЕМЬИ и ШКОЛЫ.

Складъ изданій при магазинѣ книгъ и учебныхъ пособій подъ фирмою „Н. ФЕНУ и К°“.

С.-Петербургъ. Невскій пр., д. 90—92. Телеф. 13—23.

Антошка. Пов. К. Станюковича. Съ 22 рисунками въ текстѣ худ. Ѳ. Ризенко. Ц. 80 к.

Безъ призора. Разсказъ Пресансе. Ц. 40 к.

Бѣлинскій, В. Г. Біографическій очеркъ Н. Носкова. Съ 30 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к.

Вамирехъ. Человѣкъ каменнаго вѣка. Пов. съ рис. Рони. Ц. 40 к.

Внукъ кузнеца. Истор. пов. А. Кнаппъ, съ 11 рисунк. въ текстѣ. Ц. 25 к.

Воздушныя путешествія. Сост. по Тисандье, Фонвіелю, Фалькенгорсту и др. Э. Пименовой. Изд. 2-е. 21 рис. Ц. 35 к.

Воспоминанія одного американскаго школьника. Белей Олдричъ. 19 рис. Ц. 50 к.

Въ Альпахъ. П. Розеггера. Изд. 2-е. 13 рис. Ц. 35 к.

Въ Бородинѣ. Повѣсть изъ эпохи войны 1812 года Е. Н. Савеловой. Ц. 65 к.

Въ волнахъ безконечности. Астрономическіе очерки. Е. Игнатьева, съ 50 рис. въ текстѣ. Ц. 60 коп.

Въ Горахъ Тибета. Путешествіе по Тибету. С. Рингардтъ. Пер. Волошиновой. 50 рис. Ц. 60 к.

Въ гостяхъ у дѣдушки и бабушки. Страничка изъ дѣтства Антона Павловича Чехова. А. П. Сѣдого—Чехова. Ц. 35 к.

Въ заколдованномъ царствѣ. Пов. Э. Шарпъ. Ц. 25 к.

Въ лѣсахъ Америки. Разсказы Эрнста Томпсона-Ситона и Стюарта Эдуарда Уайта, съ 55 рис. въ текстѣ. Ц. 30 к.

Въ лѣсахъ Литвы. Ист. пов. С. Р. Минцлова, съ 30 рис. въ текстѣ. Ц. 75 к.

Въ погоню за тепломъ и солнцемъ. А. Сѣдого. Ц. 20 к.

Въ семьѣ. Пов. Гектора Мало. Премировано Фран. Акад. Наукъ. 87 рис. Изданіе 2-е. Ц. 60 к.

Въ сердцѣ Азіи. Свенъ Гедина. Пер. со шведск. З. Зеньковичъ. Ц. 40 к.

Въ странѣ утренняго спокойствія. В. Сѣрошевскаго, съ 25 фотогр. снимк. автора. Ц. 30 к.

Въ странѣ цвѣтовъ. Пов. В. Сѣрошевскаго. 20 рис. Ц. 50 к. Эта повѣсть составляетъ продолженіе предыдущей повѣсти.

Въ тяжелую годину. Воспоминанія изъ франкопрусск. войны 1870 г. К. Клейнъ, перев. съ нѣм. Е. Племянниковой. 67 рис. въ текстѣ. Ц. 45 к.

Гарибальди. Біогр. пов. А. Алтаева, съ портр. Гарибальди и 4 рис. худ. К. Фридберга. Ц. 40 к.

Даніилъ Башъ. Пов. Т. Штормъ. Ц. 20 к.

Два героя. Очерки В. Фирсова и Л. Спицыной, съ 6-ю рисун. въ текстѣ. Ц. 25 к.

Докторъ Мухоловкинъ. Фантастич. приключ. въ мірѣ насѣкомыхъ. Э. Маевскаго. Изд. 2-е. 125 рис. Ц. 50 к.

„БИБЛІОТЕКА ВСХОДОВЪ“.

М. С. Минцлова.

По древней Литвѣ.

Путевые наброски.

Типографія Т-ва Технич Шк. Наборн. и Печатн. Дѣла въ Спб.,
В. О., Ср. пр., № 34.
1914.

Digitized by the Internet Archive
in 2019 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/podrevnelitviepu00mint

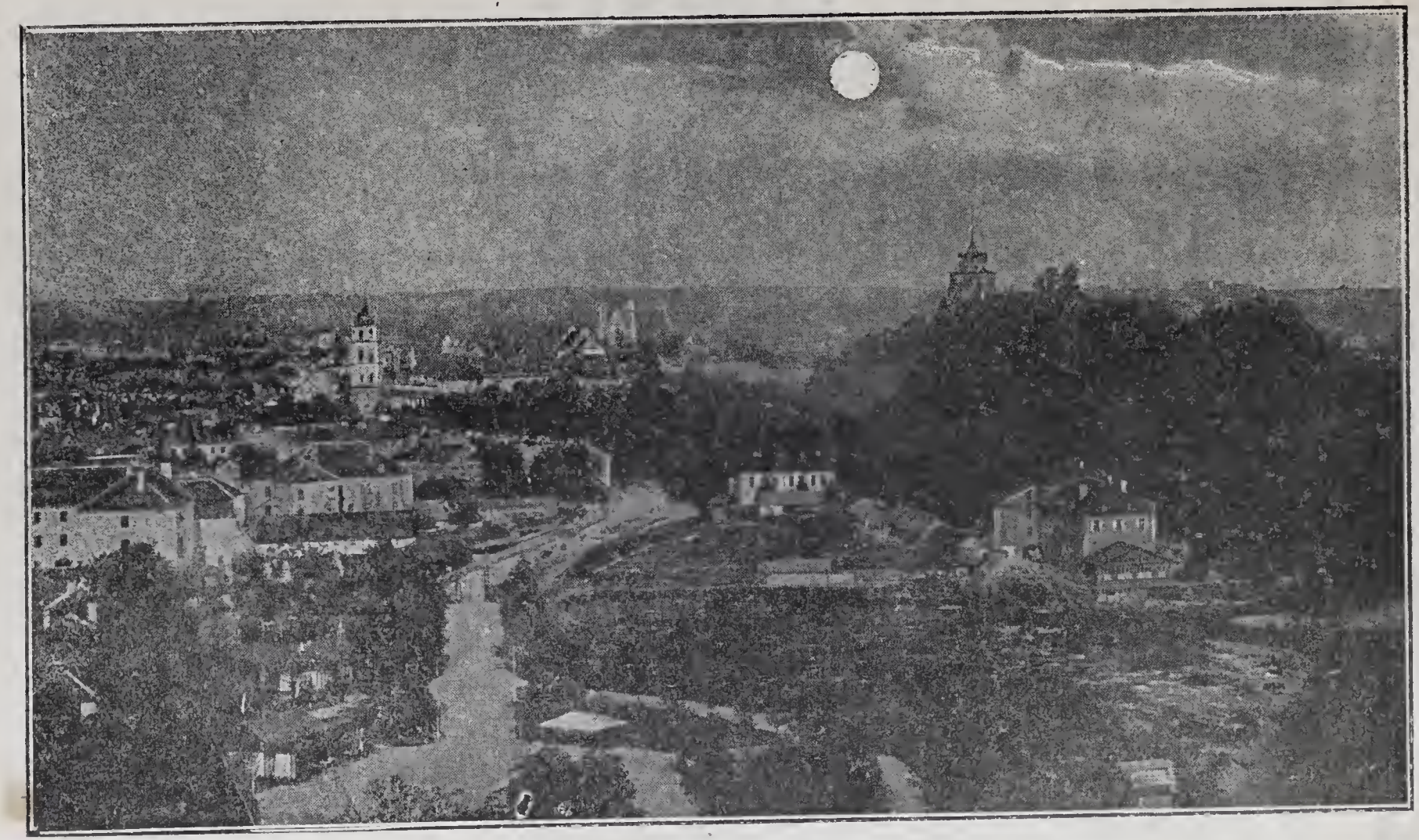
I.

Вильна.

Вильна, которую мы пріѣхали осмотрѣть лѣтомъ 1913 года, лежитъ въ долинѣ среди живописныхъ холмовъ, на обрывистыхъ и извилистыхъ берегахъ рѣкъ Виліи и Вилейки; надъ городомъ высоко возносится Замковая гора, вся поросшая густымъ лиственнымъ лѣсомъ. Названіе свое она получила отъ когда-то стоявшаго на вершинѣ ея замка великаго князя литовскаго Гедимина, отъ котораго теперь остались лишь развалины.

Первымъ дѣломъ мы направились осмотрѣть гору; уплативъ по двѣ копѣйки съ каждаго за право входа, мы вступили въ большой густой паркъ, преобразованный изъ непроходимой чащи, нѣкогда покрывавшей тѣ мѣста. Паркъ поддерживается въ чистотѣ и порядкѣ и производитъ пріятное впечатлѣніе; широкія и узкія дорожки его то отлого опоясываютъ гору, то круто сбѣгаютъ съ нея и въ опасныхъ мѣстахъ защищены перилами. Подъ вѣтвистыми деревьями было прохладно и хорошо, что было особенно пріятно послѣ жары, царствовавшей въ городѣ.

По широкой аллеѣ мы поднялись наверхъ; на словно срѣзанной вершинѣ высятся остатки славнаго когда-то

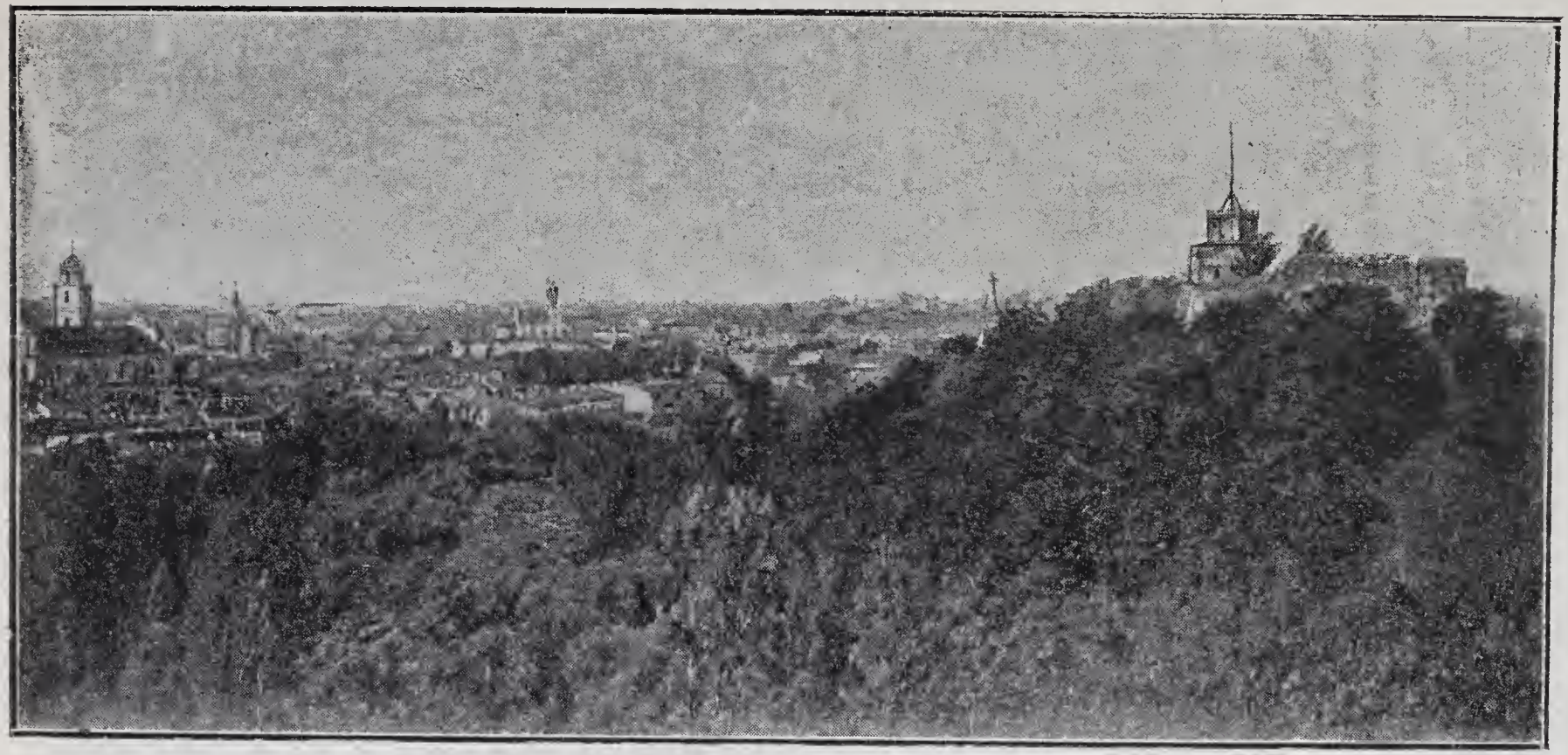


Видъ гор. Вильны.

замка князя Гедимина — основателя Вильны. Объ этомъ основаніи сохранилось интересное преданіе.

Много вѣковъ тому назадъ въ дремучихъ лѣсахъ покрывавшихъ все пространство теперешней Вильны охотился со своей свитой литовскій князь Гединминъ Охота была удачная; въ концѣ ея князь вдругъ увидѣлъ огромнѣйшаго тура и бросился за нимъ. Долго и безуспѣшно продолжалась эта погоня; наконецъ Гединминъ настигъ тура на высокой горѣ и убилъ его. Было уже поздно; на горѣ разбили шатры и послѣ ужина всѣ полегли спать; князю приснился странный сонъ: тамъ гдѣ лежалъ онъ, на вершинѣ горы, стоитъ огромный желѣзный волкъ и воетъ могучимъ голосомъ. Утромъ князь созвалъ жрецовъ и потребовалъ объясненія сна; криве-кривейто (верховный жрецъ) Лездейко отвѣтилъ, что сонъ означаетъ, что на мѣстѣ томъ вырастетъ большой сильный городъ, который прославится на весь міръ. Гедимину эти разъясненія понравились и онъ рѣшилъ основать городъ, новую столицу Литвы; для себя онъ выстроилъ большой замокъ на мѣстѣ ночлега, на „Турьей“ горѣ, и переселился туда въ 1323 г.

Такъ гласитъ преданіе; однако по многимъ русскимъ лѣтописямъ извѣстно, что еще до Гедимина тамъ стоялъ маленькій городокъ или поселокъ. Такъ, Воскресенская лѣтопись разсказываетъ, что въ 1128 г. жители Вильны избрали своимъ правителемъ русскаго князя Ростислава Рогволодовича. Тѣмъ не менѣе, Гедимину принадлежитъ честь основанія Вильны; при немъ она выросла въ столицу Литовскаго государства, онъ усиленно приглашалъ въ нее солдатъ, купцовъ и



Замковая гора.

ремесленниковъ изъ Ганзейскихъ городовъ и всячески украшалъ и укрѣплялъ ее.

Городъ былъ обнесенъ крѣпкимъ частоколомъ; его окружали двѣ рѣки, такъ что онъ былъ совершенно неприступенъ; кромѣ того, замокъ на горѣ, охраняемый тремя башнями, окаймляли еще три вала.

Гедиминъ—одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей своего времени; историки называютъ его создателемъ Литовскаго государства. Въ теченіе его двадтцатипятилѣтняго царствованія (1316—1341) Литва черезвычайно разрослась путемъ присоединенія многихъ русскихъ областей, окрѣпла и завоевала себѣ почетное положеніе среди своихъ сосѣдей. Гедиминъ сумѣлъ достигнуть этого не огнемъ и мечемъ, а почти исключительно благодаря выдающемуся уму своему. Между прочимъ, дочь его Альдона, въ крещеніи Анна, была замужемъ за наслѣдникомъ короля польскаго, будущимъ величайшимъ королемъ Польши—Казиміромъ.

Главнымъ врагомъ Гедимина былъ знаменитый Тевтонскій орденъ, войны съ которымъ начались спустя четыре года по вступленіи его на престолъ и продолжались до самой его смерти. Особенно памятно было рыцарямъ Мѣднинское пораженіе, гдѣ полегли всѣ рыцари во главѣ съ магистромъ; взятый же въ плѣнъ товарищъ послѣдняго, Роде, былъ сожженъ на кострѣ въ честь литовскихъ боговъ.

Въ 1337 г. магистръ ордена для развлеченія своихъ гостей, прибывшихъ изъ Германіи, устроилъ походъ на литовцевъ; рыцари осадили крѣпость Пилленъ, въ которой заперлись съ княземъ Маргеромъ 4000 литов-

цевъ. Два мѣсяца длилась осада; литовцы отчаянно защищались и отбивали приступъ за приступомъ. Тогда одинъ рыцарь пустилъ въ крѣпость нѣсколько стрѣлъ съ горючимъ составомъ; дома внутри ея запылали, и литовцы, увидѣвши, что нѣтъ спасенія, рѣшили умереть. На площади они сложили громадный костеръ, побросали на него дѣтей своихъ, предварительно умертвивши ихъ, а затѣмъ поручили одной старухѣ рубить имъ головы и бросать въ костеръ. Та изнемогла на сотомъ человѣкѣ; оставшіеся вонзили другъ въ друга мечи. На глазахъ рыцарей, уже перелѣзавшихъ черезъ стѣны, князь Маргеръ, послѣдній оставшійся въ живыхъ, возвелъ на костеръ и убилъ свою жену, а затѣмъ и себя.

Въ 1341 г. нежданная смерть застигла Гедимина: онъ напалъ съ войскомъ на пограничную крѣпость Бейербургъ и, не зная еще ничего о появленіи у нѣмцевъ огнестрѣльнаго оружія, слишкомъ близко подъѣхалъ къ стѣнѣ; первая пуля положила его на мѣстѣ. Трупъ его былъ сожженъ по языческому обряду на высокой горѣ близь Вильны, донынѣ называющейся Гедиминовою.

Особенною красотой отличался верхній замокъ; тамъ хранились сокровища литовскихъ князей, и тамъ же отводились помѣщенія для знатныхъ иностранцевъ.

Много вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ; замокъ пережилъ и полный расцвѣтъ, какъ княжеская резиденція, и героическую эпопею всевозможныхъ войнъ и, наконецъ пришелъ въ упадокъ... Теперь отъ него осталось немного: части двухъ-трехъ стѣнъ да башня, но и онѣ

вывѣтриваются и разрушаются. Какія это были стѣны! Какъ умѣли строить въ прежнія времена! Огромные камни-валуны словно спаяны другъ съ другомъ, и толщина стѣнъ доходила чуть не до сажени; недаромъ такія постройки переживали вѣка.

Виленцы цѣнять эти развалины: надъ ними сооружено нѣчто вродѣ навѣса; башня прикрыта желѣзной крышей, а стѣны кое-гдѣ подперты солидными упорами.

Дивная панорама открывается на далекое разстояніе съ Замковой горы; Вильна, вся утопающая въ зелен видна, какъ на ладони:—можно разглядѣть всѣ болѣе или менѣе достопримѣчательныя зданія. Вотъ необыкновенно изящный и воздушный костелъ св. Анны, тамъ монументальные костелы св. Яна и св. Духа и другія зданія; слѣва желтѣетъ, поросшій щетиной лѣса, крутой обрывъ рѣки Виліи, быстро катящей свои волны; въ нее впадаетъ капризно изогнутая Вилейка, омывающая холмы, опоясывающія Вильну. Картина, отъ которой нельзя оторваться...

Мы долго сидѣли на камняхъ во впадинѣ самой высокой части развалинъ и любовались видомъ, затѣмъ обошли всю вершину горы, по которой нѣкогда гулялъ Гедиминъ и медленно спустились по крутой и изогнутой дорожкѣ внизъ въ городъ; уличная духота снова охватила насъ. Мы направились къ костелу св. Духа.

Вильна сохранила много слѣдовъ сѣдой старины; во многихъ мѣстахъ улицы крайне узки и кривы, на крышахъ домовъ еще цѣла старинная черепица. Большинство улицъ извилисты и то поднимаются въ гору,

то сбѣгаютъ внизъ; иногда тротуары превращаются въ лѣстницы со ступеньками. Тротуары почти вездѣ очень узки, такъ что часто трудно бываетъ разминуться двумъ встрѣчнымъ—одному приходится сходить на мостовую; послѣдняя покато наклоняется къ панелямъ, такъ что между ними остается нѣчто вродѣ канавъ, по которымъ бѣжитъ сточная вода.

Жизнь въ Вильнѣ кипитъ ключомъ; улицы какъ муравьями покрыты спѣшащимъ во всѣ концы народомъ На фонѣ узкихъ, поднимающихся въ гору улицъ, четко выдѣляются монументальные бѣлые контуры огромныхъ костеловъ, скорѣе напоминающихъ крѣпости, чѣмъ мѣста общенія съ Богомъ. Они не похожи ни на русскія, ни на французскія церкви; русскія мягче по очертаніямъ, круглѣе, довлѣющія къ землѣ; французскія—стройныя, тонкія, изящныя, словно тянущіяся куда-то высоко, высоко въ надзвѣздную даль. Ничего подобнаго нѣтъ въ старинныхъ виленскихъ костелахъ: чрезвычайно высокіе, они въ то же время широки и отличаются необычайной толщиною стѣнъ.

Случайно при звонѣ я подняла голову наверхъ; на страшенной высотѣ, какъ мячикъ, леталъ взадъ и впередъ, далеко выступая за стѣну, многопудовый колоколъ; казалось, вотъ-вотъ онъ рухнетъ внизъ. Такой способъ звона—католическій: у насъ раскачиваютъ у колоколовъ языки, а у нихъ самые колокола.

Мы вошли въ костелъ св. Духа и стали осматривать его; отецъ отправился искать настоятеля. Костелъ ничего особеннаго не представлялъ и отличался отъ прежде видѣнныхъ мною лишь бо́льшими

размѣрами да болѣе роскошнымъ убранствомъ алтарей и стѣнъ. Статуи Пресвятой Дѣвы и святыхъ были обвиты лентами, бусами (болѣе всего кораллами), вѣнками, кусками красивыхъ матерій и обставлены горшками съ разнообразными живыми цвѣтами; на стѣнахъ позади нихъ прикрѣплены цѣлыя коллекціи маленькихъ серебряныхъ и золотыхъ изображеній человѣческаго тѣла [1]).

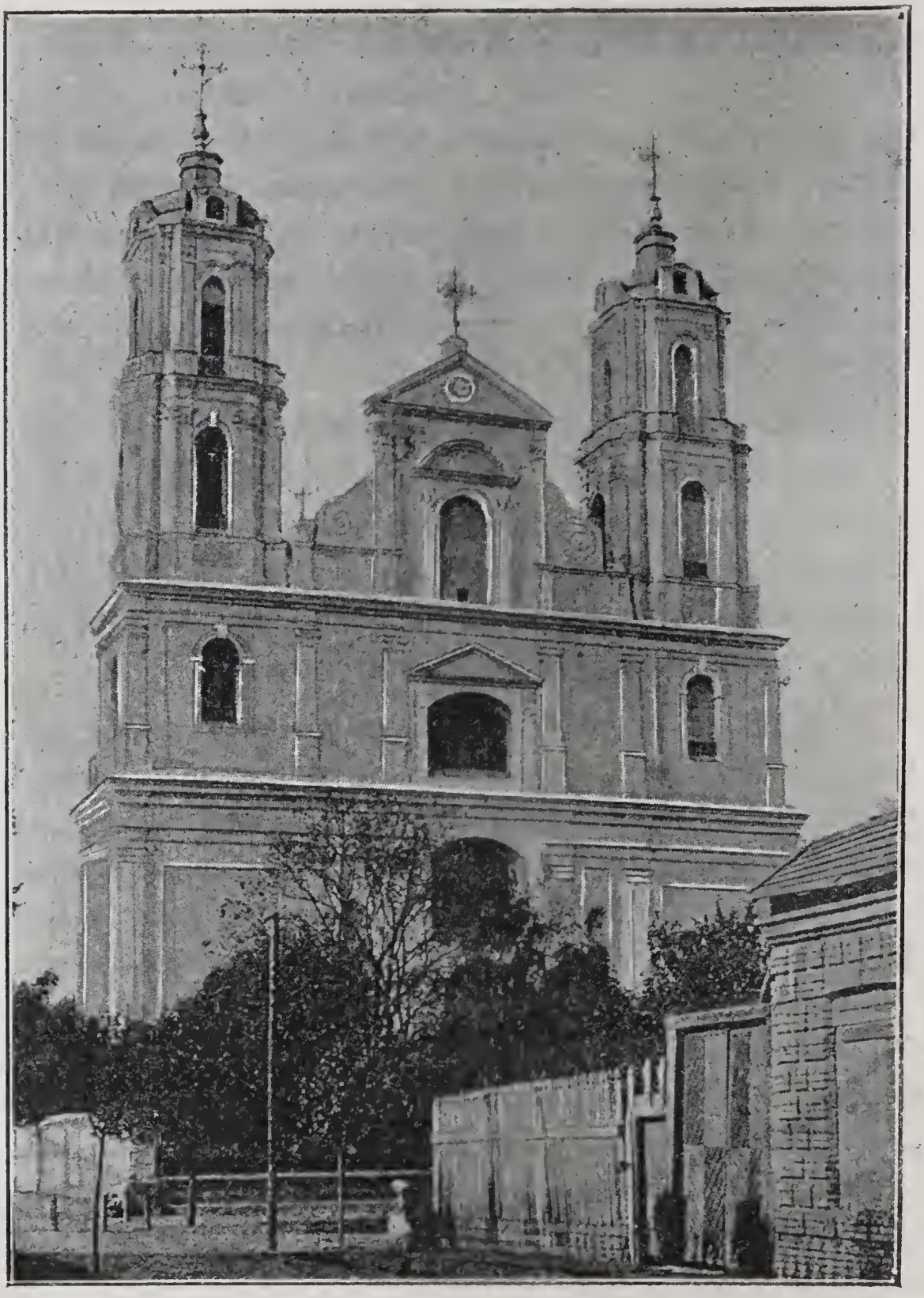
Костелъ этотъ сооруженъ около 1441 г.

Наконецъ появился отецъ въ сопровожденіи закристіана (псаломщика); настоятель разрѣшилъ осмотрѣть подземелья, но лишь послѣ семи часовъ вечера, когда обыкновенно заканчиваются богослуженія. Мы двинулись далѣе продолжать осмотръ города.

Костель св. Яна — огромное, высокое зданіе, похожее на крѣпость, съ глубокими амбразурами оконъ и массивными, тяжелыми главными дверями, у которыхъ не разъ происходили ожесточенныя схватки въ минувшія времена. Костелъ этотъ существуетъ очень давно, съ 1388 года, и здѣсь молились передъ походомъ участники знаменитой Грюнвальденской битвы, происшедшей 15 іюля 1410 года. Было пріятно думать, что и я стою на томъ же мѣстѣ, гдѣ пять вѣковъ тому назадъ молились мои предки, братья Янъ и Збышко, изъ которыхъ первый сложилъ свою голову подъ Грюнвальдомъ, а второй былъ тяжело раненъ. Сколько за это время на гла-

---

[1]) У католиковъ есть обычай: обращаясь съ мольбой къ Пресвятой Дѣвѣ объ исцѣленіи той или другой болѣзни, они жертвуютъ изображеніе больной части тѣла.



Костелъ.

захъ безстрастно сидящихъ статуй святыхъ смѣнилось поколѣній, сколько они видѣли и хорошаго и печальнаго!

Отъ костела св. Яна мы прошли по Большой улицѣ черезъ площадь къ памятнику графу М. Н. Муравьеву, стоящему противъ генералъ-губернаторскаго дворца; влѣво отъ него подымаются величавыя зданія бывшей іезуитской коллегіи и монастыря, въ которыхъ теперь помѣщается музей, виленская публичная библіотека и цѣлый рядъ учебныхъ заведеній. Всѣ они примыкаютъ къ костелу св. Яна, нѣкогда принадлежавшему іезуитскому ордену.

Хранитель музея, весьма любезный господинъ, повелъ насъ по ряду комнатъ со старинными сводчатыми потолками; стѣны ихъ сплошь уставлены полками съ книгами. Книгъ море—ихъ 200 тысячъ,—на русскомъ, литовскомъ, польскомъ, французскомъ и латинскомъ языкахъ. Параллельно стѣнамъ тянутся ряды добавочныхъ полокъ, но несмотря на это, нѣсколько маленькихъ комнатъ чуть ли не до потолка завалены неразобранными книгами; онѣ лежатъ тамъ, покрытыя толстымъ слоемъ пыли, на радость мышамъ и паукамъ.

При императорѣ Павлѣ коллегія доживала послѣдніе дни своего расцвѣта, а при Александрѣ I была окончательно упразднена, и іезуиты выѣхали за границу; помѣщенія ихъ отошли подъ новый виленскій университетъ. Были привлечены лучшія силы Европы, ученіе было поставлено прекрасно, и подъ покровительствомъ русскаго правительства молодой университетъ развился въ старыхъ стѣнахъ. Снова закипѣла затихшая было

жизнь, опять зазвенѣли въ нихъ молодые голоса... Но польское возстаніе подписало смертный приговоръ молодому университету, и часть помѣщеній его была отведена подъ музей и библіотеку; по Высочайшему повелѣнію послѣдней были сданы всѣ книги и рукописи коллегіи, университета и всѣхъ конфискованныхъ монастырскихъ библіотекъ въ краѣ. Матеріалъ накопился богатѣйшій!

На самомъ верху бывшей коллегіи прежде находилась обсерваторія для астрономическихъ наблюденій. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ еще стоятъ на своихъ мѣстахъ старинныя трубы, телескопы и разные инструменты, къ которымъ пристроены спеціальныя лѣсенки; въ другихъ уже пусто и тихо... Что уцѣлѣло отъ времени, то уничтожилъ тамъ происшедшій не такъ давно пожаръ. На полу и на потолкѣ видны отверстія и круги отъ когда-то стоявшихъ инструментовъ; часть пожарища не реставрирована до сихъ поръ: половъ нѣтъ, потолки прогорѣли, стѣны растрескались.

Внизу, въ концѣ ряда залъ съ книгами, затаилась маленькая комнатка. Находясь въ углу между костеломъ и зданіемъ коллегіи, она долгое время была замурована, и никто не подозрѣвалъ объ ея существованіи. Совершенно случайно, по звуку, обратили вниманіе на какую-то пустоту въ стѣнѣ и проломили ее; открылась квадратная высокая каморка, освѣщаемая большимъ окномъ, выходящимъ на дворъ. Ничего особеннаго въ ней не было: нашлись только потайной пустой шкафъ въ стѣнѣ да пустой желѣзный сундукъ.

Что когда-то хранилось въ нихъ, для чего была предназначена эта комнатка—осталось невѣдомымъ.

Большой и свѣтлый читальный залъ находится внизу; вокругъ длиннаго стола, занимающаго середину зала, тянется громадная витрина-подкова, подъ стекломъ которой хранятся печатныя и рукописныя рѣдкости. Здѣсь лежитъ оригиналъ литовскаго статута, писаннаго въ 1588 г. на древне-русскомъ языкѣ, прежде господствовавшемъ на Литвѣ; Туровское Евангеліе XI вѣка, на поляхъ котораго сохранились записи князя Острожскаго, церковныя рукописи разныхъ вѣковъ, указы и письма русскихъ императоровъ и императрицъ и пр. На стѣнахъ развѣшаны картины и портреты дѣятелей края.

Изъ библіотеки мы прослѣдовали въ музей, помѣщающійся рядомъ съ нею; онъ очень богатъ, особенно раскопочными предметами разныхъ эпохъ; описывать все я не стану—это заняло бы слишкомъ много времени и мѣста, такъ какъ онъ чрезвычайно обширенъ и разнообразенъ. Между прочимъ, въ большомъ залѣ, среди всевозможныхъ коллекцій, стоятъ два египетскіе саркофага съ мумiями. Надпись на одномъ изъ нихъ гласитъ, что мумія была нѣкогда жрецомъ одного значительнаго египетскаго храма въ IV (или V) вѣкѣ; другая же мумія была жрицей во II (или III) вѣкѣ, тоже до Рождества Христова.

Очень интересна одна старинная желѣзная кольчуга; она вся состоитъ изъ мелкихъ колечекъ; по наружной сторонѣ многихъ изъ нихъ вырѣзаны изреченія изъ писанія. Хранитель музея разсказалъ, что ему

удалось разобрать на нѣкоторыхъ колечкахъ имя и фамилію перваго хозяина ея, а также и различныя даты, обозначавшія, когда онъ бывалъ въ сраженіяхъ. Цѣлый желѣзный документъ человѣческой жизни!

Хранитель музея, дававшій намъ объясненія, провелъ насъ на дворъ бывшей коллегіи и указалъ на вырѣзанныя на стѣнѣ латинскія надписи и астрономическія фигуры на той части зданія, гдѣ была обсерваторія; онѣ еще хорошо сохранились и знаменуютъ протекшую славную исторію этого зданія.

Распрощавшись съ нашимъ путеводителемъ, мы двинулись въ каѳедральный костелъ, расположенный на площади. Особаго впечатлѣнія онъ не производитъ, но обращаетъ на себя вниманіе башня, стоящая въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него; верхъ ея сдѣланъ сравнительно недавно, нижняя же половина и основаніе—древняго происхожденія, еще до-христіанскихъ временъ. На мѣстѣ костела когда-то находилось языческое капище—Ромове—литовскаго бога Перкунаса и жертвенникъ съ неугасаемымъ огнемъ; башня эта—остатокъ отъ прежней, съ которой верховный жрецъ—криве-кривейто —возвѣщалъ народу волю боговъ и тамъ же производились астрономическія наблюденія, по которымъ предсказывали жрецы. Внутри нея нынѣ—мерзость запустѣнія; этажи всѣ провалились и только прекрасная кладка стѣнъ вызываетъ удивленіе и восхищеніе.

Телятники,—такъ именуется издавна площадь,—въ тѣ отдаленныя времена называлась долиной Свенторога:

Православный соборъ

здѣсь былъ сожженъ прахъ князя Свенторога сыномъ его Геримундомъ; послѣдній въ 1265 г. основалъ храмъ Перкунаса. Онъ былъ безъ крыши и всего съ однимъ входомъ; напротивъ входа стояло святилище съ разными священными предметами, а подъ нимъ находилась пещера, гдѣ жили лягушки, змѣи и другіе гады, почитаемые литовцами. Святилище было главной частью храма; въ немъ стоялъ идолъ бога молніи Перкунаса, привезенный изъ Полангена. Его окружала какъ бы галлерея; въ ней помѣщался главный жертвенникъ, на которомъ горѣлъ неугасаемый „Зничъ". Все было устроено такъ искусно, что никакія перемѣны погоды не дѣйствовали на него, а напротивъ, увеличивали пламя.

Трудно представить себѣ, что полторы тысячи лѣтъ тому назадъ на мѣстѣ этой вымощенной площади, окруженной каменными домами, шумѣлъ густой дубовый лѣсъ, въ которомъ приносили жертвы и молились Перкунасу—богу съ пукомъ золотыхъ молній въ рукѣ!

Костелъ—древнѣйшій въ Вильнѣ; онъ былъ сооруженъ въ 1387 году.

Внутренность его—холодна и непривѣтлива; хороша въ немъ только боковая королевская каплица св. Казиміра съ мощами его. Въ нишахъ стѣнъ ея стоятъ серебряныя статуи восьми польскихъ королей.

Закристіанъ провелъ насъ въ ризницу, пяти или шестиугольную комнату, находящуюся влѣво отъ главнаго алтаря; вдоль всѣхъ стѣнъ ея вытянутъ замѣчательной работы старинный огромный шкапъ для раз-

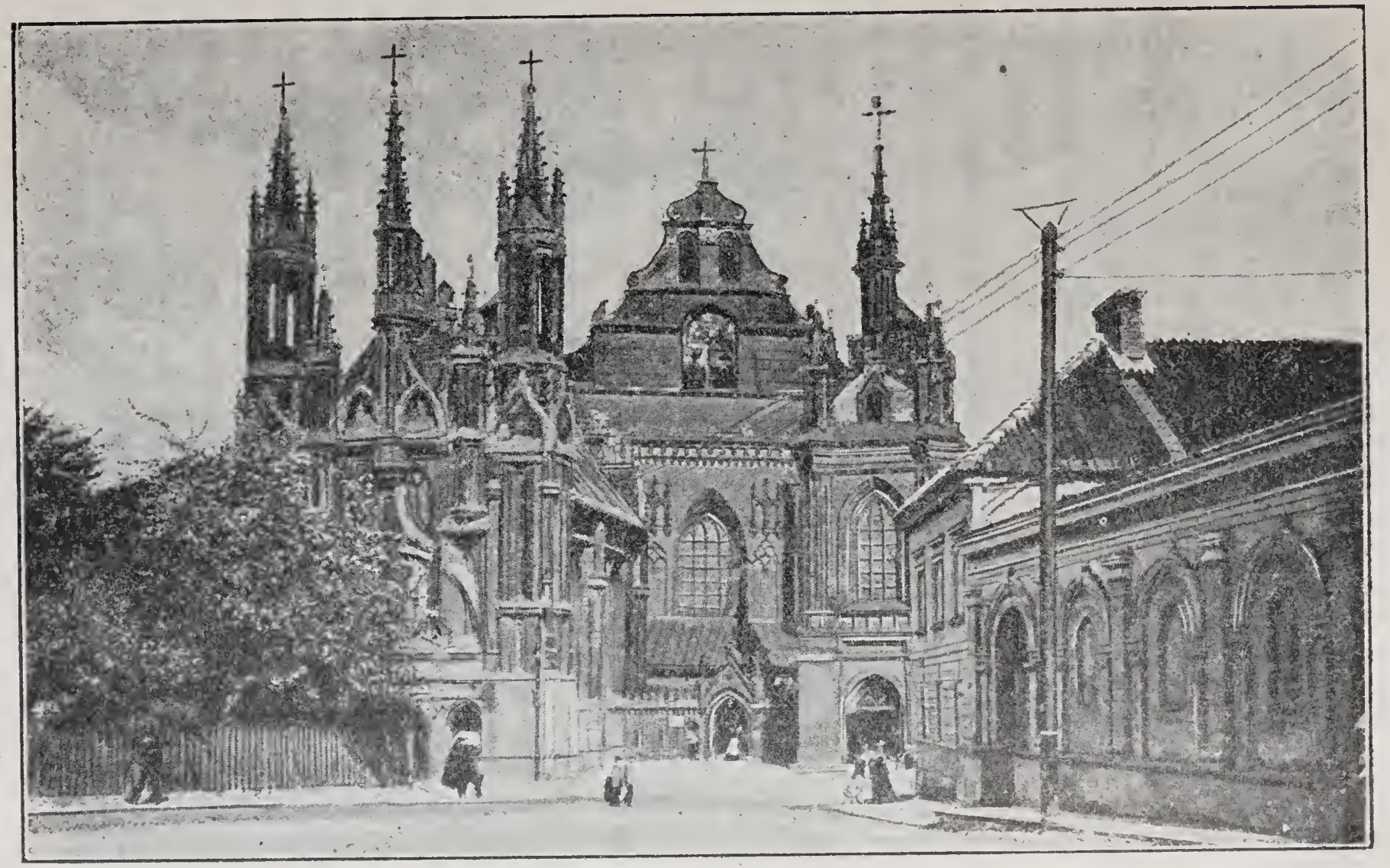
личной церковной утвари и принадлежностей службъ.

Въ шкапу имѣются всевозможныя хитрыя приспособленія, потайные ящики, дверцы и пр.; цѣна его, по опредѣленію знатоковъ, нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Изъ ризницы по удобной и широкой витой лѣстницѣ мы поднялись наверхъ, гдѣ хранятся различныя вещи и между прочимъ два большихъ гобелена: они украшали когда-то замокъ князя Гедимина и изображали эпизоды изъ жизни его. Закристіанъ показалъ затѣмъ цѣлую коллекцію старинныхъ священническихъ ризъ; нѣкоторыя были чрезвычайно изящны и красивы, но въ общемъ коллекція не изъ богатыхъ.

Отдохнувъ въ зеленомъ и тѣнистомъ городскомъ саду, мы отправились осмотрѣть еще одну изъ достопримѣчательностей Вильны—костелъ св. Анны. Вскорѣ и онъ предсталъ передъ нашими глазами; небольшой но чрезвычайно стильный, изящный и воздушный, онъ производитъ оригинальное впечатлѣніе. Построенный изъ красныхъ кирпичей, онъ со своими тоненькими колоннами, стрѣлками и башенками, даетъ иллюзію каменнаго кружева и немного напомнилъ мнѣ Notre-Dame въ Парижѣ.

Наполеону, когда онъ былъ въ Вильнѣ, такъ понравился костелъ св. Анны, что онъ пожалѣлъ, что не можетъ унести его на своей ладони въ Парижъ.

По словамъ историка Нарбута, костелъ этотъ существуетъ съ 1392 г.; однако, первое историческое свѣдѣніе о немъ появляется лишь въ 1501 г., когда послѣ огромнаго виленскаго пожара его пришлось реставрировать.



Костелъ Св Анны.

Этотъ костелъ — какъ бы памятникъ, оставленный второю женою великаго князя Витовта, Анной, сооруженъ ею въ 1396 г. Русская по происхожденію, она скончалась 1 августа 1418 года въ Трокахъ; многіе думаютъ, что великая княгиня похоронена въ костелѣ св. Анны, но памятника не сохранилось никакого. Въ немъ лежитъ третья жена Витовта, княжна Ольшанская Іуліанія, скончавшаяся въ 1448 г.

Жара все усиливалась, и мы направились домой заглянувъ по дорогѣ въ русскій Свято-Духовъ монастырь, основанный въ 1584 г., при королѣ польскомъ Сигизмундѣ III; окончена постройка была въ 1597 г. Почти два вѣка несъ на себѣ монастырь тяжелую борьбу съ надвигавшимся католичествомъ; несмотря на милостивыя рескрипты и благожелательное отношеніе польскихъ королей къ нему, іезуиты противодѣйствовали ему во всемъ, считая его опаснымъ противникомъ. Къ половинѣ XVIII вѣка часть подчиненныхъ ему монастырей была захвачена іезуитами и уніатами; православные подвергались всевозможнымъ притѣсненіямъ. Не разъ Свято-Духовъ монастырь находился на порогѣ закрытія; такъ, въ 1708 г. въ Вильнѣ былъ страшный голодъ: „мертвыхъ возили возами“. За нимъ послѣдовала моровая язва, отъ которой, между прочимъ, погибло и много монаховъ; мѣста ихъ оставались не занятыми. На помощь ему пришелъ Петръ Великій съ сестрой Натальей, пожаловавшіе монастырю сперва 30 ефимковъ (талеровъ), а затѣмъ еще 70 рублей, вмѣстѣ съ двумя милостивыми грамотами.

Въ 1749 г. разбушевался страшный пожаръ, уничтоживший почти всю Вильну; сгорѣлъ и монастырь, возобновленный затѣмъ въ 1763 г. путемъ пожертвованій и пособій русскихъ людей и правительства.

Обитель находилась въ упадкѣ, но все еще боролась; лишь благодаря ей, унія и католичество не могли окончательно восторжествовать въ краѣ. Въ войну 1812 г. монастырь былъ добитъ почти окончательно: его разграбили и разгромили, а въ алтарѣ французы устроили кухню!

Къ двадцатымъ годамъ прошлаго вѣка въ немъ осталось всего пять монаховъ! Императоръ Александръ обратилъ вниманіе на его положеніе и въ 1814 г. прислалъ денегъ на ремонтъ, и съ тѣхъ поръ обитель начала возставать изъ пепла, какъ фениксъ. Нынѣ онъ великолѣпно обстроенъ и привлекаетъ многія тысячи богомольцевъ.

Мы прошли сквозь высокія ворота на чисто вымётенный дворъ; отсюда разомъ открывается весь фасадъ собора. Красивый и высокій, онъ однако ничѣмъ особенно замѣчательнымъ не выдѣляется ни внутри, ни снаружи; зато очень интересно помѣщеніе, въ которое надо спускаться по ступенькамъ глубоко внизъ; это древняя пещера, нынѣ вся облицованная камнемъ.

Посреди пещеры возвышается большой широкій стеклянный гробъ, въ которомъ покоятся тѣла св. мучениковъ Антонія, Іоанна и Евстафія; несмотря на полтысячи лѣтъ, пронесшіеся надъ ними, они лежатъ

нетлѣнными. Мощи почиваютъ совершенно открыто, и только лица ихъ прикрыты легкими воздухами.

Кромѣ монахини, читавшей въ углу писаніе, никого не было; нѣсколько лампадокъ и свѣчи едва озаряли дрожащимъ свѣтомъ внутренность пещеры... Тишина и благоговѣйныя сумерки охватили насъ; всѣ ходили тихо, словно боясь разбудить св. мучениковъ, лежавшихъ рядомъ... Такъ хорошо становилось на душѣ, стоя тамъ: казалось, что мы вернулись къ первымъ временамъ христіанства и ряда столѣтій какъ не бывало!

Очень интересна исторія св. мучениковъ.

Они были уроженцами Вильны и носили языческія имена: Нѣжило (Антоній), Кумецъ (Іоаннъ) и Круглецъ (Евстафій); служили они при дворѣ великаго князя Литовскаго Ольгерда (1345—1377), язычника, какъ полагали всѣ. Однако, нѣкоторыя лѣтописи говорятъ, что Ольгердъ еще въ 1318 г. принялъ христіанство отъ жены своей, Маріи Ярославовны, но не желая, чтобы объ этомъ знали жрецы и народъ, держалъ это въ тайнѣ.

Оба брата, Антоній и Іоаннъ, приняли крещеніе отъ духовника великой княгини, іеромонаха Нестора; но такъ какъ они не таились, товарищи ихъ, видя что братья не участвуютъ ни въ какихъ языческихъ празднествахъ и пирахъ, а также и обрядахъ, скоро догадались, въ чемъ дѣло. Особенную ненависть возбудили они въ жрецахъ, крѣпко державшихъ въ своей власти весь литовскій народъ; великая княгиня скончалась въ 1346 г., и тогда жрецы съ угрозами потре-

бовали, чтобы братья отреклись отъ своей вѣры; они отказались и были заключены въ тюрьму, гдѣ просидѣли нѣсколько лѣтъ. Антоній первый былъ приговоренъ жрецами къ повѣшенію. Казнь состоялась 14 апрѣля 1347 г. въ дубовой рощѣ, гдѣ нынѣ стоитъ Св.-Троицкій монастырь; черезъ девять дней тамъ же былъ повѣшенъ и Іоаннъ. Тѣла ихъ оставили висѣть для устрашенія другихъ; затѣмъ, по просьбѣ христіанъ, разрѣшили похоронить ихъ.

Недолго торжествовали жрецы; вскорѣ родственникъ братьевъ, Круглецъ, красивый юноша, любимецъ Ольгерда, неожиданно заявилъ, что онъ тоже христіанинъ. Его схватили и жрецы предали Евстафія жесточайшимъ пыткамъ, но ничто не дѣйствовало на него и онъ былъ повѣшенъ въ той же рощѣ 14 декабря 1347 года.

Чествованіе ихъ, какъ святыхъ, началось сразу послѣ ихъ кончины; тѣла мучениковъ скрывали сперва подъ церковью св. Петра, а затѣмъ въ подъ-алтарной пещерѣ въ Свято-Духовомъ монастырѣ, гдѣ они почивали замурованными. Лишь въ 1814 г. духовникъ великой княгини Александры Павловны, случайно ознакомившись съ перепиской митрополита Московскаго Алексія (XIV в.) въ царьградскомъ архивѣ, указалъ, гдѣ они почиваютъ; открыты же они были для всенароднаго поклоненія съ 1826 года.

Со временъ мучениковъ миновали столѣтія... Какъ измѣнилась за это время Русская земля!..

Дома мы отдохнули предъ вечернимъ путешествіемъ въ подземелья костела св. Духа.

Подземелья эти—одни изъ грандіознѣйшихъ въ краѣ; расположены они въ три яруса и идутъ далеко подъ улицами города. Въ нихъ раньше хоронили знатныхъ и богатыхъ людей Литвы и Польши; гробы не закапывали, а ставили другъ около друга въ нѣсколько рядовъ. Но когда вспыхнуло польское возстаніе 1861 года, до слуха генералъ-губернатора графа Муравьева дошло, что въ подземельяхъ костела прячутся повстанцы, а въ гробахъ хранится оружіе. Муравьевъ приказалъ произвести тщательный обыскъ въ подземельѣ; часть гробовъ была при этомъ свалена въ особыхъ коридорахъ и замурована тамъ; другая часть гробовъ была опорожнена и мертвецы сложены въ общую кучу въ одномъ изъ подземелій.

Понятно, съ какимъ интересомъ я ждала предстоящаго путешествія!

Къ семи часамъ вечера мы были уже въ костелѣ, но пришлось ждать еще нѣкоторое время, пока уходили послѣдніе молящіеся; закристіанъ зеперъ наконецъ всѣ двери. Я ожидала, что онъ откроетъ какую-либо потайную дверь въ стѣнѣ и поэтому была очень поражена, когда по его приказанію нѣсколько человѣкъ служащихъ подошли къ одному изъ боковыхъ алтарей и начали снимать лежавшій передъ нимъ красный коверъ, закрывавшій деревянный помостъ. Общими усиліями послѣдній былъ сдвинутъ въ сторону, и изъ каменнаго пола глянула большая черная дыра; внизъ вели каменныя ступеньки. Отецъ роздалъ намъ зажженыя свѣчи; у всѣхъ сопровождавшихъ насъ были фонари въ рукахъ. Держась за плиты пола, закристіанъ

медленно началъ спускаться внизъ; за нимъ послѣдовала я и затѣмъ всѣ остальные. Вскорѣ мы ощутили подъ ногами плотную почву; при тускломъ, мигающемъ свѣтѣ огней я увидѣла пустые коридоры съ тяжелыми каменными сводами, терявшимися далеко въ глубинѣ подземелья; отъ мрачныхъ сырыхъ стѣнъ вѣяло холодомъ; мракъ и безмолвіе обступили насъ: мы были въ царствѣ смерти.

Меленно двинулись мы по подземелью; закристіанъ шелъ впереди, указывая дорогу, остальные служащіе шли позади составляя арріергардъ.

Подземелье тянулось на безконечное разстояніе, развѣтвляясь на разные коридоры и комнаты; массивныя колонны поддерживали своды, выносившіе на себѣ тяжесть улицъ съ многоэтажными домами. Подземелья были пусты, и лишь кое-гдѣ въ темныхъ углахъ валялись человѣческіе черепа и кости.

Наконецъ, закристіанъ провелъ насъ къ какой-то дырѣ въ стѣнѣ и первымъ полѣзъ въ нее. Передавъ свою свѣчу сестрѣ, я кое-какъ прокарабкалась за нимъ и очутилась въ маленькомъ помѣщеніи, набитомъ сплошь до потолка наваленными, какъ попало другъ на друга, большими, хорошо сохранившимися гробами, потемнѣвшими отъ времени. Между ними и стѣною еле-еле хватало мѣста для трехъ человѣкъ.

Закристіанъ поднялъ крышку съ ближайшаго гроба, и я увидѣла мертвеца со сложенными на груди руками; онъ словно спалъ. Можно было еще угадать черты его лица: прямой носъ и тонкія губы, но глазъ уже не было—вмѣсто нихъ чернѣли пустыя впадины черепа.

Въ серединѣ туловища еще сохранилось тѣло и сухожилія,—все остальное представляло собою желтыя кости, кое-гдѣ прикрытыя обрывками старинной одежды и трухою. Лишь руки мертвеца сохранились довольно хорошо: тонкія и бѣлыя... Надпись на гробѣ гласила, что это князь Огинскій.

Другіе гробы открыть было трудно и мы, выждавъ, пока всѣ по очереди не осмотрѣли это помѣщеніе, направились далѣе по подземелью; закристіанъ показалъ намъ еще нѣсколько такихъ же, когда-то замурованныхъ помѣщеній, набитыхъ гробами. Мы лазили въ нихъ черезъ проломы въ стѣнахъ и вездѣ, гдѣ только можно было, я открывала гробы и заглядывала въ нихъ; какихъ только мертвецовъ я не видала!

Входы въ нижнія галлереи замурованы. Закристіанъ привелъ насъ къ новому отверстію, и мы пролѣзли черезъ него въ довольно большое помѣщеніе, тоже наполненное гробами; заглянувъ въ тѣ, какіе только могла открыть, я пробралась, шагая по гробамъ, вслѣдъ за закристіаномъ въ другое помѣщеніе, еще большее перваго. Послѣднія обиталища человѣческія грудились здѣсь въ невообразимомъ хаосѣ: ихъ набросали какъ дрова, куда и какъ попало; гробы лежали на бокахъ, торчали стоймя и вверхъ дномъ. Пробираться здѣсь было чрезвычано трудно. Въ концѣ этого помѣщенія у стѣны сидѣлъ словно въ глубокой задумчивости мертвецъ со сложенными на колѣняхъ руками. Обрывки монашеской одежды виднѣлись на костяхъ его, облипшихъ изсохшимъ тѣломъ; съ наклоненной головы ниспадала какая-то черная легкая матерія, а смутно

различимое лицо какъ бы еще хранило на себѣ сосредоточенное выраженіе.

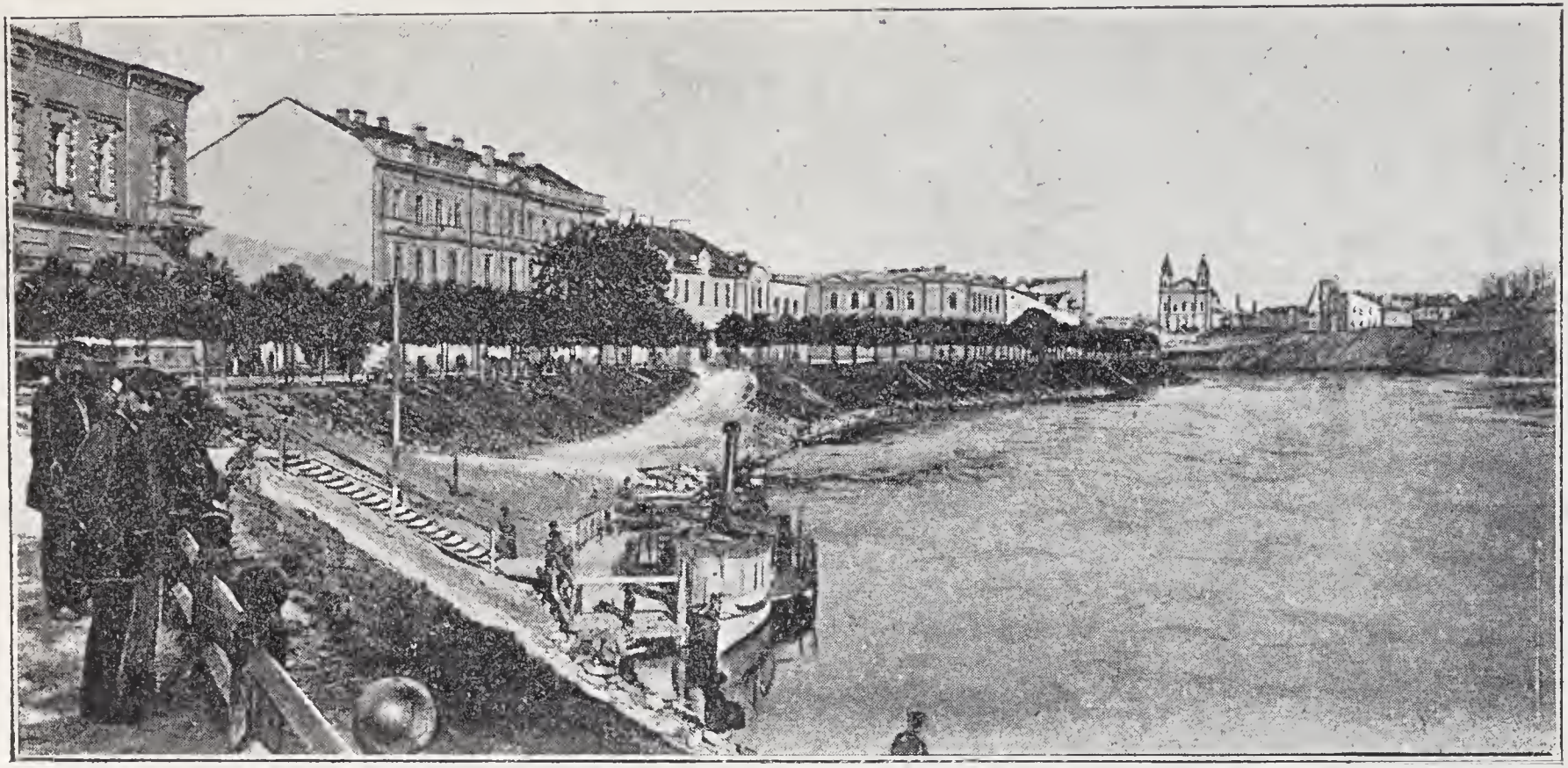
Я подошла къ нему вплотную; что-то блестѣло на безымянномъ пальцѣ лѣвой руки его. Приблизивъ къ ней свѣчку, я къ удивленію своему замѣтила надѣтое на пальцѣ гладкое золотое кольцо, которое при моемъ прикосновеніи легко передвинулось сверху на передній суставъ и тамъ задержалось засохшимъ тѣломъ...

Прежнимъ путемъ мы выбрались въ пустынный костелъ и ужаснулись, взглянувъ другъ на друга: костюмы наши были вымазаны и пестрѣли чуть не всѣми цвѣтами радуги; руки и лица были сплошь покрыты пылью и грязью.

Закристіанъ провелъ насъ въ свое помѣщеніе, убранное скромно, но очень чисто, гдѣ вмѣстѣ съ женою захлопоталъ около насъ, помогая мыться и чиститься. Было уже около девяти часовъ, а къ девяти намъ надо было еще поспѣть на пароходъ, отходившій въ наменитое имѣніе „Верки“. Мы пробыли въ подземельѣ болѣе полутора часа!

Кое-какъ приведя себя въ порядокъ, мы поспѣшно прошли черезъ костелъ къ запертымъ дверямъ; закристіанъ открылъ ихъ, и за ними оказалось съ десятокъ колѣнопреклоненныхъ людей. Съ какимъ удивленіемъ они глядѣли на насъ! Но мы торопились и, сѣвъ на первыхъ попавшихся извозчиковъ, начали ихъ гнать чуть ли не вскачь къ пристани.

Пароходъ еще стоялъ тамъ, но въ ту минуту, когда мы стали спускаться по лѣстницѣ съ берега на при-



Пароходная пристань на р. Виліи.

стань, послышался гудокъ, сходни были сняты и пароходъ началъ медленно уходить внизъ по рѣкѣ.

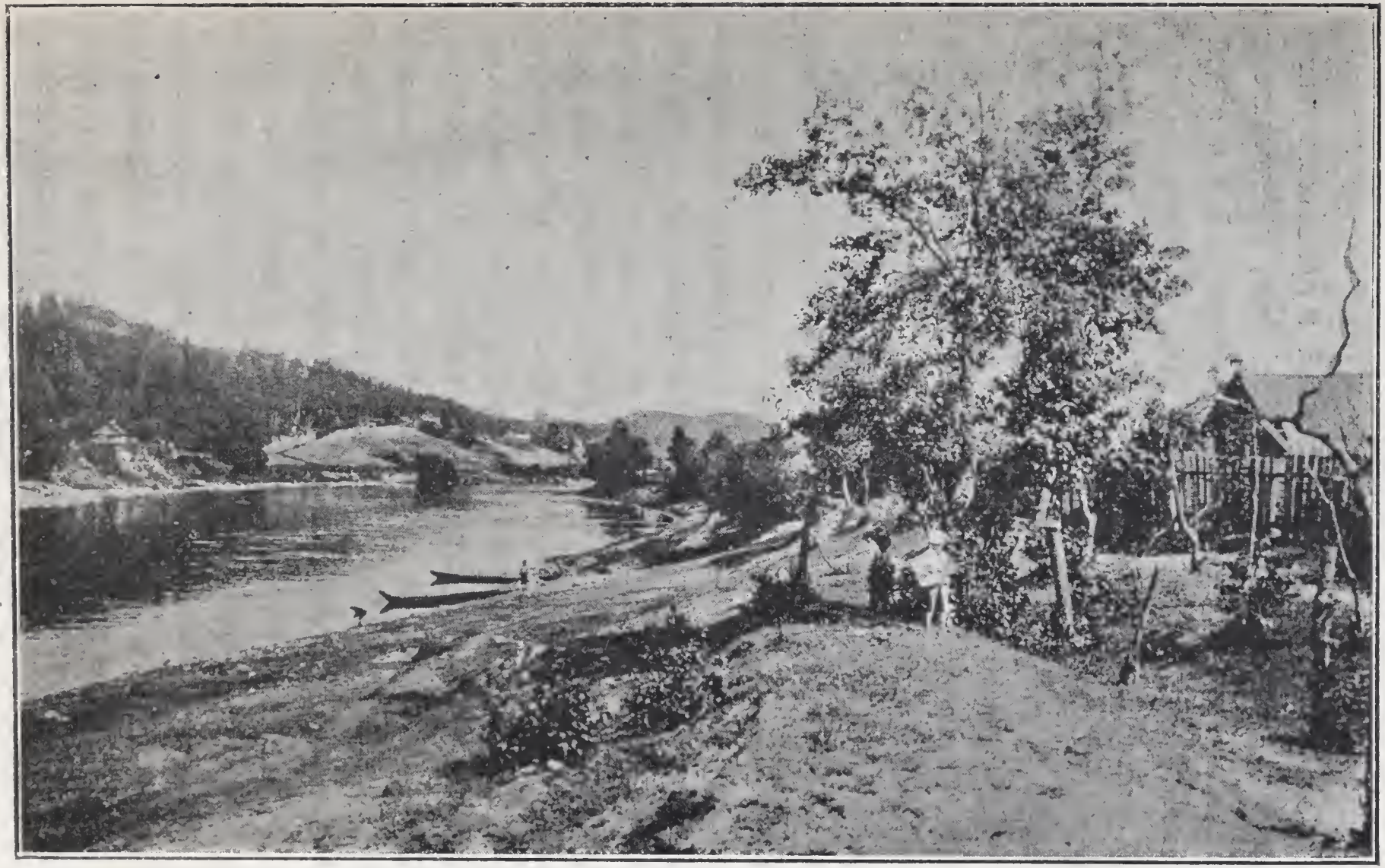
Завидѣвъ насъ, ему дали сигналъ вернуться; онъ тотчасъ же остановился и далъ задній ходъ. Кромѣ насъ никого на пристани не было и поэтому мгновенно берегъ рѣки покрылся зѣваками, съ любопытствомъ наблюдавшими маневрировку парохода, который наконецъ съ большимъ трудомъ подошелъ вплотную къ пристани кормою впередъ; черезъ нѣсколько секундъ мы были на палубѣ, черезвычайно довольные, что удалось поѣхать.

Пароходъ сдѣлалъ заворотъ и полнымъ ходомъ пошелъ вверхъ по теченію Виліи. Берега ея очень живописны со своими желтыми обрывами, зелеными лугами и волнистыми холмами, покрытыми кудрявыми лѣсами.

Послѣ нѣсколькихъ остановокъ мы наконецъ завидѣли высокую, покрытую красивымъ лѣсомъ гору; черезъ какіе-нибудь четверть часа мы уже выходили на берегъ.

„Верки“— знаменитое имѣніе, принадлежавшее когда-то литовскимъ князьямъ; съ 1387 г. оно перешло къ католическимъ епископамъ, отъ которыхъ съ 1780 г. стало переходить изъ рукъ въ руки частныхъ лицъ. Названіе это въ переводѣ означаетъ „плачъ“; преданіе въ объясненіе этого страннаго названія существуетъ слѣдующее.

Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, именно въ концѣ XIII вѣка, на мѣстѣ „Верокъ“ росъ дремучій дубовый лѣсъ, и князь Витень любилъ охотиться въ этихъ мѣстахъ. Однажды во время охоты Витень услы-



Верки.

халъ на этой горѣ плачъ ребенка и приказалъ узнать, въ чемъ дѣло; ему принесли мальчика, найденнаго въ орлиномъ гнѣздѣ; князь взялъ его съ собой и отдалъ на воспитаніе жрецамъ. Впослѣдствіи этотъ ребенокъ сдѣлался самымъ знаменитымъ изо всѣхъ криве-кривейто Литвы, и имя его—Лездейко—прогремѣло далеко за предѣлами края; мѣсто же, гдѣ его нашли, получило названіе „Верки".

Очень любилъ это имѣніе императоръ Александръ I и въ бытность свою въ Вильнѣ часто ѣздилъ туда верхомъ въ сопровожденіи графа Ожаровскаго, служившаго ему переводчикомъ при переговорахъ съ населеніемъ.

Дорога подымалась въ гору; кругомъ раскидывался чудесный дубовый паркъ, перемѣшанный съ березою и вязомъ; хвойнаго лѣса тамъ очень мало. На самой вершинѣ горы стоитъ большой красивый дворецъ владѣльцевъ имѣнія, отъ котораго во всѣ стороны разбѣгаются прихотливо изогнутыя аллеи. Паркъ поддерживается въ порядкѣ, очень густой и тѣнистый, но особаго впечатлѣнія не призводитъ; одни громадные дубы останавливаютъ на себѣ вниманіе. Попадались и особо рѣдкіе экземпляры, видѣвшіе несомнѣнно не только императора Александра, но и польскихъ королей, бывавшихъ въ тѣхъ мѣстахъ.

Мы гуляли довольно долго, пока наконецъ совершенно не надвинулась ночь; въ темнотѣ спустились мы по глубокому лѣсистому оврагу и сѣли на пароходъ. Кругомъ было темно и тихо, небо вызвѣздило; кое-гдѣ на берегахъ ярко горѣли костры плотовщиковъ. Пароходъ шумѣлъ; „Верки", пережившія свою славу, медленно удалялись отъ насъ...

II.

Троки.

На другой день утромъ мы выѣхали въ Троки, когда-то знаменитую резиденцію великихъ князей Литвы, про которую одинъ историкъ говоритъ, что если „кто хочетъ возобновить въ памяти минувшіе вѣка Литвы, тотъ долженъ посѣтить Троки". Это такъ называемыя Новыя Троки; въ Старыхъ Трокахъ съ IX вѣка жили удѣльные князья; въ началѣ XIV в. они были совершенно уничтожены крестоносцами. Около 1320 г., Гедиминъ построилъ близъ озера Гальвы Новыя Троки и возвелъ два замка—одинъ на берегу, другой на островѣ; съ этого времени и начался расцвѣтъ Трокъ. Великій князь Кейстутъ, столь извѣстный въ исторіи Литвы, чрезвычайно любилъ ихъ и постоянно проживалъ тамъ съ женою Бейрутой, бывшей вайделоткой (жрицей), которую онъ похитилъ изъ храма богини Праурімы; тамъ же у него въ 1344 г. родился сынъ, знаменитый князь Витовтъ. Въ 1655 г. Троки были, разрушены, и величіе ихъ, какъ княжеской резиденціи, исчезло навсегда.

По желѣзной дорогѣ отъ Вильны до Трокъ всего одинъ перегонъ; на станціи насъ обступила толпа евреевъ, наперерывъ предлагавшихъ своихъ одровъ провезти насъ въ мѣстечко. Отецъ выбралъ большое широкое ландо и, поторговавшись съ кучеромъ, мы всѣ усѣлись и покатили.

Шоссе тянулось верстъ восемь или десять среди довольно унылыхъ равнинъ и лѣсовъ, кое-гдѣ виднѣлись деревушки. Мимо насъ проѣзжали экипажи, кареты и омнибусы, переполненные путешественниками, стремившимися поглядѣть на развалины. По крайней мѣрѣ черезъ часъ мы добрались до мѣстечка, обстроеннаго кривыми и грязными деревянными домиками.

На „главной улицѣ“ мы вышли и вскорѣ увидѣли все еще величественные остатки красныхъ стѣнъ съ сохранившимися арками; еще немного дальше передъ нами блеснуло озеро Гальва съ рядами вытащенныхъ лодочекъ на берегу и островками вдали. Направо отъ дороги возвышался чрезвычайно крутой холмъ; съ большимъ, трудомъ, цѣпляясь за кусты, мы добрались до вершины его, на которой оказалась просторная площадка съ парою скамеекъ. Отсюда озеро раскинулось передъ нами во всей красѣ: противоположный берегъ его уходилъ въ синюю даль, направо же, за камышами, бѣлѣло новое палаццо графа Тышкевича—владѣльца этихъ мѣстъ. На серединѣ озера, среди тихихъ, спокойныхъ водъ его, отражавшихъ ясное голубое небо и зеленыя деревья острововъ,—на самомъ большомъ изъ нихъ величаво высились красныя стѣны съ обломанными зубцами и верхушками вывѣтрившихся башенъ,—все, что осталось отъ нѣкогда славнаго замка князя Кейстута и жены его Бейруты!

Посидѣвъ немного, мы спустились внизъ и прошлись по аллеѣ у подошвы холма; отецъ разсказалъ мнѣ, что давнымъ-давно на этомъ мѣстѣ былъ большой монастырь доминиканцевъ, но теперь отъ него оста-

лись лишь слѣды стѣны—все остальное растащили окрестные жители. Отецъ помнилъ, что двадцать лѣтъ тому назадъ тянулась здѣсь высокая стѣна на большое разстояніе; теперь ея нѣтъ и въ поминѣ.

Добравшись до берега, мы наняли лодку съ надписью „Гальва"; отецъ сѣлъ на весла и она отвалила отъ берега, легко бороздя словно заснувшую зеркальную гладь обширнаго озера. Мы тихо сидѣли, любуясь видами... Глядя на пышный дворецъ графа Тышкевича, я думала, что и ему суждена такая же участь, что и его знаменитому сосѣду: пройдутъ столѣтія, и отъ него останутся лишь развалины!..

Мимо насъ тихо плыли маленькіе островки, отражавшіеся въ водѣ; наконецъ впереди выросла величавая красная стѣна, рѣзко выдѣлявшаяся своими обломанными зубцами на обступившей ее со всѣхъ сторонъ густой зелени лиственнаго лѣса; видъ былъ удивительный.

Отецъ причалилъ къ берегу и мы стали подниматься въ гору, раздвигая густыя вѣтви и кусты; подъ ноги то и дѣло попадались обломки большихъ камней, отвалившихся отъ стѣнъ замка. Наконецъ мы достигли развалинъ и они поразили меня своею грандіозностью и массивностью: тамъ, съ озера, была видна лишь часть стѣны съ башенкой и создавалось впечатлѣніе, что только это немногое и сохранилось,— на самомъ же дѣлѣ развалины занимаютъ весьма большое протяженіе: уцѣлѣли четыре наружныхъ и нѣсколько внутреннихъ стѣнъ и нѣсколько башенъ. Вывѣтривающіяся и разрушающіяся стѣны съ уцѣ-

Троки.

лѣвшими впадинами оконъ отличаются своей толщиной и прочной кладкой изъ цѣлыхъ валуновъ, спаянныхъ между собою цементомъ, выдержавшимъ столѣтія.

Въ самой серединѣ развалинъ имѣется глубокая и большая воронкообразная яма, вся заросшая кустами и травою; тутъ очень давно образовался провалъ по неизвѣстной причинѣ,—быть можетъ обрушился потайной ходъ, существовавшій съ незапамятныхъ временъ подъ замкомъ. Преданіе гласитъ, что при взятіи Трокъ врагомъ Кейстута Ягайлой, княгиня Бейрута, при помощи вѣрныхъ слугъ своихъ, скрыла въ одномъ изъ коридоровъ подземелья всѣ сокровища свои, которыя вслѣдъ за тѣмъ были замурованы; сама же Бейрута съ сыномъ едва успѣла спастись бѣгствомъ. Съ той поры прошло около пятисотъ съ половиною лѣтъ, но сокровища князя Кейстута остались неразысканными и до сихъ поръ лежатъ подъ островомъ.

На сводахъ проходовъ сохранились едва замѣтные силуэты святыхъ; съ мѣста главнаго входа холмъ очень круто спускается внизъ къ берегу. Башня около него сохранилась довольно хорошо; еще видны остатки отъ витой лѣстницы, ведшей нѣкогда на площадку, на которой любила сидѣть красавица Бейрута, любуясь природою или наблюдая теченіе звѣздъ.

Другія башни, увѣнчивающія стѣну, окружавшую островъ, сохранились хуже; мы побывали внутри одной изъ нихъ. Еще высоко стоятъ ея стѣны, но внутри все завалено камнями, растетъ трава и царятъ сырость и холодъ; никакихъ слѣдовъ отъ бывшихъ въ

Развалины въ Трокахъ.

ней этажахъ и бойницахъ не осталось. Отъ слѣдующей башни, уже совсѣмъ разрушившейся, къ которой мы пробрались по осыпающейся стѣнѣ, открывался широкій видъ на все озеро Гальву, съ его островками и извилистыми берегами.

Болѣе полтысячи лѣтъ тому назадъ жизнь ключемъ кипѣла въ замкѣ, на островахъ вокругъ него и на берегахъ озера. Замокъ былъ могучей и неприступной крѣпостью, какъ бы вставшей изъ воды, и гарнизонъ его можно было взять лишь изморомъ, отрѣзавъ всякое сообщеніе съ берегами. На противоположномъ берегу высилась грозная башня, сторожившая мостъ, существовавшій между нею и замкомъ; такой же мостъ велъ и къ сосѣднему, тоже укрѣпленному острову. Стѣны эти видѣли битвы и осады безъ числа... Нынѣ же тамъ все тихо и спокойно, и лишь деревья перешептываются о великомъ прошломъ...

Особенно нравилась здѣсь жить любимцу литовскаго народа, „свѣтлому“ князю Кейстуту, и здѣсь сохранилось много воспоминаній о немъ. Онъ былъ послѣднимъ княземъ-язычникомъ и до конца жизни крѣпко держался своей вѣры; былъ онъ послѣднимъ изъ великихъ князей, котораго сожгли по языческому обряду...

По описанію современниковъ, Кейстутъ былъ „высокаго роста, худощавый, съ блѣднымъ лицомъ, тонкими губами и черными искрящимися пронзительными глазами... высокая грудь была покрыта сѣдой бородой, голосъ имѣлъ громкій... Если сердился,

на лбу вздувались жилы, онъ весь дрожалъ, и тогда вся наружность его возбуждала страхъ".

„Послѣ битвъ и трудностей походной жизни можно было часто видѣть трокскаго князя отдыхающимъ на берегу озера подъ развѣсистымъ дубомъ, вмѣстѣ со своей женой; рѣдкой красоты Бейрутой".

О женитьбѣ его разсказваютъ слѣдующее.

Тамъ, гдѣ теперь на берегу Балтійскаго моря мѣстечко Полангенъ, тогда росъ огромный сосновый лѣсъ; на горѣ посреди него возвышался храмъ въ честь богини Прауримы. Среди храма стояло изображеніе богини, а передъ нею пылалъ неугасимый огонь, который поддерживали вайделотки—жрицы. Вайделотками поступали молодыя дѣвушки изъ самыхъ благородныхъ фамилій Литвы; онѣ обрекали себя на всю жизнь на безбрачіе. Въ случаѣ нарушенія какою либо изъ нихъ этого обѣта, виновную закапывали живою въ землю.

Около 1355 г. въ число ихъ вступила красавица Бейрута, дочь богатаго и благороднаго жмудина; молва о красотѣ ея распространилась по всей Литвѣ. Услыхавъ объ этомъ, молодой трокскій князь, подъ видомъ охоты, со свитою отправился въ Полангенъ увидѣвъ юную вайделотку, онъ былъ такъ пораженъ ея красотою, что вступилъ въ переговоры съ жрецами о выдачѣ ея за него замужъ Получивъ отказъ, онъ въ одну изъ ночей напалъ со своими людьми на храмъ, захватилъ Бейруту и ускакалъ съ нею въ Троки, гдѣ обвѣнчался и счастливо прожилъ съ нею всю жизнь

свою. Въ Трокахъ же появился на свѣтъ и сынъ ихъ Витовтъ, знаменитѣйшій князь Литвы...

Кейстутъ отличался откровенностью, прямотою, безкорыстіемъ и честностью; вся Литва обожала его, и самъ онъ любилъ родину всей душой. Несмотря на все зло, причинявшееся Литвѣ крестоносцами, онъ, когда они попадались въ плѣнъ, обращался съ ними крайне благородно и часто спасалъ ихъ отъ народной ярости, вполнѣ ими заслуженной. Рыцари сами признавали, что онъ во всемъ выше ихъ, и считали его за образцоваго рыцаря, что было съ ихъ стороны самой высокой похвалой, какая только могла быть. Орденскіе лѣтописцы, обычно выставлявшіе литовцевъ какими-то исчадіями сатаны, а побѣды свои превыше всѣхъ въ мірѣ, писали про Кейстута слѣдующее: „Кейстутъ мужъ воинственный и правдивый. Когда онъ задумывалъ набѣгъ на Пруссію, то всегда извѣщалъ объ этомъ маршала ордена и навѣрно потомъ являлся. Если онъ заключалъ миръ съ магистромъ, то держалъ его крѣпко. Если онъ считалъ кого-либо изъ братій нашихъ человѣкомъ храбрымъ и мужественнымъ, то оказывалъ ему много любви и чести“.

Польскіе писатели говорили о немъ: „Кейстутъ, хотя и былъ язычникъ, но мужъ доблестный; среди всѣхъ сыновей Гедимина онъ отличался благоразуміемъ и находчивостью, а что болѣе всего дѣлаетъ ему чести, онъ былъ образованъ, человѣколюбивъ и правдивъ въ словахъ.“

Полнымъ главою Литвы Кейстутъ былъ сравнительно недолго: великокняжескій столъ перешелъ послѣ

смерти Ольгерда къ Кейстуту, но злой геній Литвы, Ягайло, младшій сынъ Ольгерда, задумалъ свергнуть его. По единогласному свидѣтельству современниковъ, Ягайло отличался лѣностью, безпечностью, безхарактерностью, любилъ роскошь и удовольствія, былъ властолюбивъ и золъ.

Къ захвату престола Ягайлу подстрекали мать и братья; выждавъ удобное время, когда Кейстутъ ушелъ въ походъ за Днѣпръ, онъ съ помощью рыцарей Тевтонскаго ордена взялъ Вильну, а потомъ и Троки. Бывшій тамъ Витовтъ съ матерью едва успѣли спастись и послали гонца къ отцу съ извѣстіемъ обо всемъ случившемся. Кейстутъ немедленно повернулъ назадъ, и оба врага встрѣтились у Трокъ. Видя, что дядя сильнѣе, Ягайло прикинулся раскаявшимся, сталъ просить о прощеніи и уговаривать его отправиться въ Вильну для заключенія мира.

Кейстутъ сначала отказался, но его уговорили, увѣривъ, что никакой опасности нѣтъ. Лишь только старикъ пріѣхалъ съ сыномъ въ Вильну, какъ по приказанію Іуды-племянника оба были схвачены; Кейстута, заковавъ въ цѣпи, отправили въ подземелье Кревскаго замка, а Витовта посадили въ башню виленскаго верхняго замка, развалинами котораго мы любовались на горѣ.

Четверо сутокъ томился въ темницѣ герой Литвы на пятый день, по приказанію Іуды-Ягайлы, онъ былъ удавленъ золотымъ шнуркомъ отъ его собственной одежды коморниками племянника: Прокошей, Кучукомъ, Жибентаемъ и Лисицей. Любимый слуга Кейстута, Гри-

горій Омуличъ, пытавшійся защитить своего господина, былъ убитъ въ томъ же подземельѣ.

Такъ погибъ свѣтлый князь Кейстутъ!

Весь родъ жены его Бейруты подвергся истребленію: дядя и внукъ ея были посажены на колъ, а тремъ двоюроднымъ братьямъ и двумъ внукамъ отрубили головы. Старуху Бейруту, какъ нарушившую когда-то обѣтъ вайделотки, осудили на утопленіе въ Нѣманѣ; однако, приговоръ почему-то не былъ приведенъ въ исполненіе, и она скончалась въ 1416 году въ томъ самомъ святилищѣ, откуда 60 лѣтъ назадъ ее похитилъ Кейстутъ.

„Съ великой честью Бейрута была погребена на одномъ изъ прибрежныхъ холмовъ, находившемся недалеко отъ того полангенскаго храма богини Прауримы, въ которомъ она была вайделоткой“. Литовскій народъ долго почиталъ ее, какъ богиню.

Та же участь, что и родныхъ, ждала и Витовта, перевезеннаго въ Кревскій замокъ; узнавъ о гибели любимыхъ имъ людей, онъ заболѣлъ нервной горячкой; стали дожидаться его выздоровленія, чтобы совершить надъ нимъ казнь. Но его спасла жена его, княжна смоленская Анна, которой во время болѣзни его разрѣшено было посѣщать мужа. Когда Витовтъ уже выздоровѣлъ и лишь притворялся больнымъ, Анна пришла къ нему со своей служанкой Еленой. Витовтъ переодѣлся въ платье Елены, которая осталась вмѣсто него, а самъ съ женой на веревкахъ спустился внизъ съ высокой стѣны и на приготовленныхъ лошадяхъ бѣжалъ къ магистру Тевтонскаго ордена, у котораго нашелъ радушный пріемъ.

Служанка такъ искусно притворялась больною, что лишь на третій день открыли обманъ; за это она поплатилась жизнью.

Все миновало,— и великое прошлое Литвы не вернется болѣе никогда...

Долго мы гуляли по двору замка, любуясь развалинами, и затѣмъ съ сожалѣніемъ двинулись въ обратный путь. Озеро было все такое же тихое и спокойное; мы медленно удалялись отъ священнаго мѣста Литвы. Красные зубцы замка все уменьшались, наконецъ, почти совсѣмъ скрылись изъ глазъ и заслонились густыми деревьями.

Высадившись на берегу, мы напились въ одномъ изъ домиковъ молока, закусили, отдохнули и отправились осматривать Троки, выросшія на мѣстѣ погибшаго когда-то большого и цвѣтущаго города. Во многихъ мѣстахъ мы видѣли остатки стѣнъ и башенъ, выглядывавшіе изъ-за зелени кустовъ и деревьевъ.

На вершинѣ одной стѣны, мирно огораживающей теперь чей-то фруктовый садъ, важно расположился красноносый аистъ, устроившій тамъ большое гнѣздо для своего почтеннаго семейства. Совершенно неожиданно мы недалеко отъ нея наткнулись на старинный запертый костелъ, незамѣтно пріютившійся за сараями. Все въ немъ пришло въ ветхость: крыша съ потолками провалилась, стѣны осыпались, этажи рухнули. Мы хотѣли войти въ костелъ, но онъ оказался запертымъ на замокъ и замѣнялъ владѣльцу сарай для храненія разнаго хлама.

Пока отецъ переговаривался съ какимъ-то полков-

никомъ, хозяиномъ сада и костела, и пока мы дожидались посланнаго за ключомъ, — я заглянула внутрь черезъ дверную скважину. Печальная картина представилась мнѣ: облупленныя стѣны, ободранный иконостасъ и покрившійся алтарь; неподалеку отъ него валялись сломанные подсвѣчники и разная обиходная утварь,—все было въ безпорядкѣ и покрыто толстымъ слоемъ мусора и пыли...

Когда отперли костелъ, я замѣтила по обѣ стороны у двери сложенныя дрова и брошенную поломанную старую мебель; на полу валялись разные сучья, камни, старыя книги... Вотъ во что превратился остатокъ древняго монастыря Бернардиновъ!

Мѣстечко Троки описывать не стоитъ; помимо своего громкаго имени, оно ничѣмъ не замѣчательно: плохо вымощенныя улицы его извилисты, и итти по нимъ очень утомительно.

Мы выѣхали обратно въ Вильну для ночевки.

III.

Псковъ.

На другой день утромъ мы уже были во Псковѣ; отдохнувши, мы двинулись осматривать городъ.

Псковъ былъ построенъ въ качествѣ форпоста Новгорода, долженствовавшаго защищать его отъ набѣговъ враговъ, равно какъ и Изборскъ; на эти два города и легла вся тяжесть обороны Ливонской границы. Кто построилъ Псковъ—осталось невѣдомымъ: „а о Плеско-

вѣ-градѣ отъ лѣтописанія не обрѣтается воспомянуто, отъ кого созданъ бысть и которыми людьми... Отначала убо рускія земли сей убо градъ Псковъ никоимъ же княземъ владомъ бѣ, но на своей воли живяху въ немъ сущіе люди"...

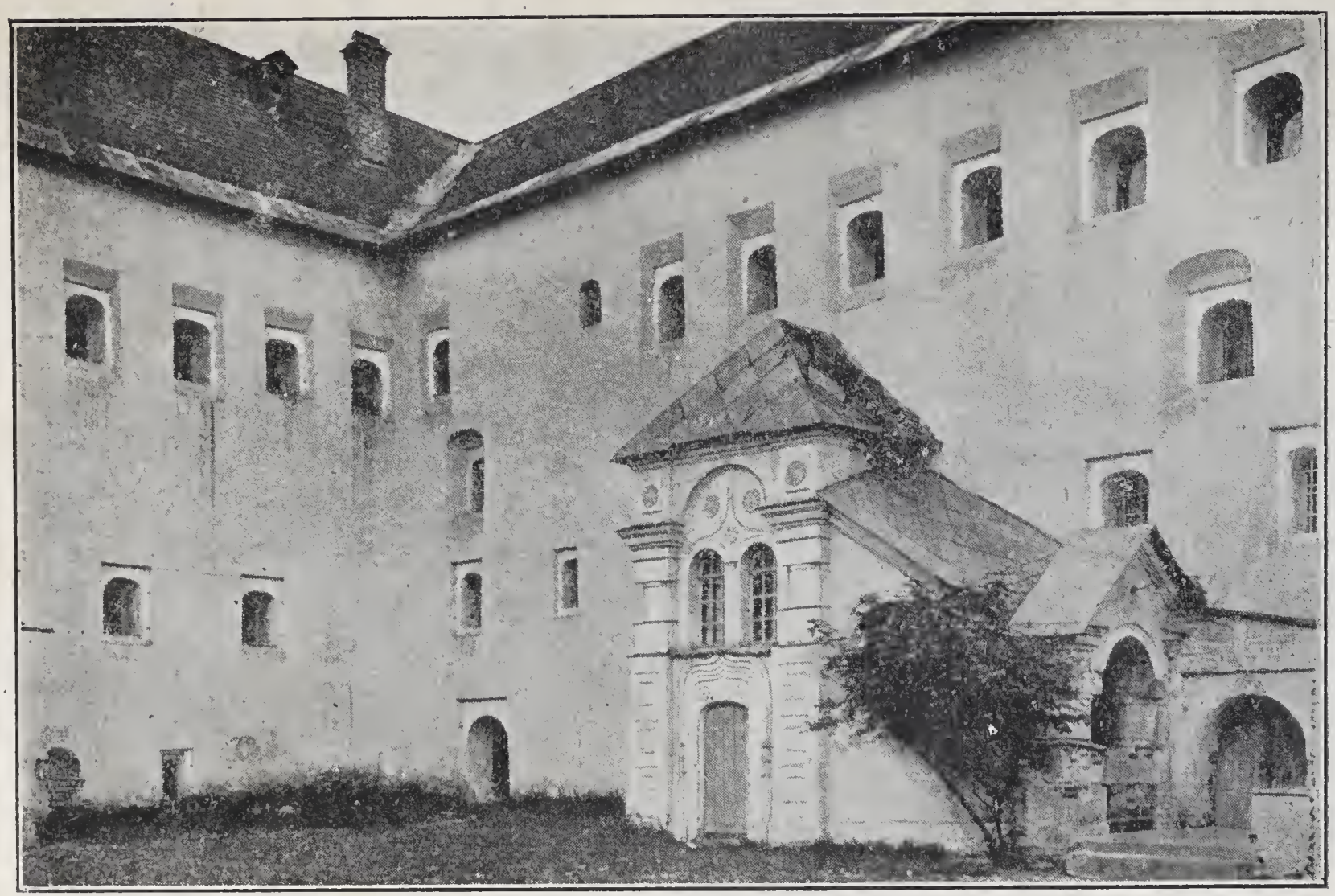
Для защиты отъ безпрерывныхъ набѣговъ сосѣдей городъ былъ окруженъ высокой и толстой стѣной съ башнями и воротами; остатки ея цѣлы и понынѣ.

Псковъ оказался не такимъ, какъ я ожидала: вмѣсто то правинціальнаго городка вродѣ Новгорода, старшаго брата его, я увидѣла веселый кипучій городъ, по улицамъ котораго бѣгаютъ трамваи, снуютъ толпы народа и пестрѣетъ множество магазиновъ.

Мы направились прежде всего къ знаменитымъ Поганкинымъ палатамъ, находящимся у края города, на пустынной и широкой улицѣ.

Это высокое, большое бѣлое зданіе въ формѣ глаголя, рѣзко выдѣляется оригинальной старинной архитектурой XVI вѣка; построено оно изъ толстой и прочной плиты, какой теперь уже нѣтъ въ окрестностяхъ Пскова. Толщина стѣнъ его доходитъ до сажени; это позволяло въ древности устраивать въ нихъ лѣстницы и ходы. Въ нижнемъ этажѣ оконъ не имѣется; они начинаются лишь приблизительно на высотѣ второго этажа, и расположены неправильно, не по прямымъ линіямъ, и по величинѣ сильно разнятся другъ отъ друга. Въ глубокихъ амбразурахъ оконъ остались ставни и толстыя рѣшетки; кровля весьма крутая, изъ красной черепицы.

Время постройки палатъ неизвѣстно, и достовѣрно



Поганкины палаты.

лишь то, что они существовали еще въ 1645 г. Владѣльцы ихъ—купцы Поганкины—были одними изъ богатѣйшихъ жителей Пскова; въ 1645 г. одному изъ нихъ, кромѣ палатъ, принадлежало еще 44 лавки. При Тишайшемъ царѣ Сергѣй Поганкинъ состоялъ членомъ совѣта выборныхъ, управлявшимъ Псковомъ и его пригородами; власть ихъ была чрезвычайно велика. Злоупотребленія и самоуправство ихъ были таковы, что въ народѣ распространялись весьма нелестныя легенды о ненавистной семьѣ. То Поганкинъ нашелъ свое богатство въ поганомъ мѣстѣ, то онъ торгуетъ погаными (бѣсовскими) деньгами, то разгнѣванный Грозный обзываетъ его поганымъ и пр.

Москва тоже была недовольна ими, особенно, когда узнали, что они торгуютъ и контрабандой.

Въ началѣ XVIII вѣка родъ ихъ прекратился, и палаты перешли къ Корсаковымъ, отъ которыхъ въ 1747 г. были куплены казною. Съ 1900 года, по Высочайшему повелѣнію, палаты были отданы псковскому археологическому обществу, которое устроило тамъ музей и библіотеку.

Мы вступили на большой и просторный дворъ. Неуклюжее, напоминающее крѣпость зданіе состоитъ изъ трехъ неравныхъ частей, очевидно пристроенныхъ впослѣдствіи къ главному фасаду. Высокое крыльцо, представляющее лѣстницу, идущую сначала параллельно стѣнѣ, а затѣмъ поворотомъ поднимающуюся ко второму этажу, открываетъ входъ въ музей; крыльцо покрываетъ чешуйчатая крыша, держащаяся на витыхъ и рѣзныхъ колоннахъ.

Видъ на Троицкій мостъ.

Сторожъ повелъ насъ черезъ нѣсколько крутыхъ лѣсенокъ по ряду старинныхъ русскихъ комнатъ со сводчатыми потолками, росписанными, какъ и стѣны, въ яркія „травы“; такъ и пахнуло сѣдой стариной, когда подъ этими сводами жили именитые купцы!

У стѣнъ стоятъ столы, скамьи и кресла того времени; глубокія ниши маленькихъ оконъ, гдѣ можно свободно улечься двоимъ головой къ рамѣ, такъ и манили посидѣть тамъ и помечтать!..

Иногда крутыя ступеньки вели въ крошечныя, но свѣтлыя каморки, нѣкогда, вѣроятно, служившія для дѣтей хозяевъ или прислуги; нынѣ стѣны ихъ обвѣшаны портретами государей, императрицъ, дѣятелей края и гравюрами.

Мы шли, зачарованныя красотою этихъ палатъ, живого памятника славнаго минувшаго...

Посреди разныхъ по величинѣ комнатъ стоятъ витрины съ коллекціями псковскаго музея, въ общемъ, небогатаго. Тамъ лежатъ предметы каменнаго и желѣзнаго вѣковъ, по преимуществу псковскаго раіона; затѣмъ монеты, оружіе, всякая утварь, среди которой попадаются замѣчательные образцы. Среди череповъ особенное вниманіе обращаетъ одинъ: на лбу его зіяетъ круглая дыра. Онъ былъ выкопанъ изъ одного псковскаго вала и вѣроятно хозяинъ его былъ храбрый защитникъ города, убитый наповалъ.

Другая часть палатъ была пустынна и мрачна; угрюмыя сѣрыя стѣны глянули на насъ. Широкія и помѣстительныя сѣни, а за ними рядъ комнатъ были заброшены; нѣкоторыя, такъ же, какъ и лѣстницы въ

другой этажъ, были заколочены; въ нѣсколькихъ изъ нихъ живутъ семьи служащихъ музея.

Разсказываютъ, что въ одной комнатѣ есть продѣланная въ стѣнѣ лѣстница, ведущая въ подклѣть, изъ которой шелъ потайной ходъ въ подземный тайникъ, а оттуда галлерея вела подъ стѣну кремля за городъ. Въ этой же подклѣти находится маленькая комнатка, „тюрьма“, въ которую Поганкины сажали провинившихся людей.

Мы заглянули въ погреба и подклѣти, находящіеся подъ палатами; они поражаютъ своей обширностью!

Поглядѣвъ еще разъ на палаты, мы направились къ православному каѳедральному собору св. Троицы, стоящему на правомъ берегу рѣки Великой.

Издревле соборъ этотъ является главной святыней не только Пскова, но и всей земли псковской; во время битвъ воинственный кличъ—„постоимъ за св. Троицу!“—не разъ вдохновлялъ воиновъ, съ новымъ рвеніемъ бросавшихся въ бой. Всякая побѣда надъ врагами приписывалась св. Троицѣ; всякое важное дѣло они предпринимали не раньше, какъ помолившись ей. Близъ собора вершились и всѣ государственныя дѣла: принимались и отпускались князья, собиралось вѣче,—словомъ, „домъ св. Троицы“ былъ центромъ жизни всей псковской земли.

Нынѣшній соборъ уже четвертый по счету, такъ какъ раньше они были деревянные, а каменный отъ ветхости пришлось перестраивать,—но всѣ они стояли на одномъ и томъ же мѣстѣ. Первый былъ выстроенъ во твоой половинѣ X вѣка великой княгиней Ольгой,

Соборъ Святой Троицы.

уроженкой Пскова, приславшей „много злата и сребра“ на его построеніе.

Кто не помнитъ имени св. благовѣрной княгини Ольги? Какъ-то странно было думать, что Ольга тысячу лѣтъ тому назадъ жила здѣсь, ходила, молилась... Память ея тѣсно связана со всей Псковской землей, и Псковъ часто называютъ городомъ св. Ольги или Ольгинымъ городомъ.

Лѣтописецъ въ 903 году пишетъ: „Игорю же возрастшю и хожаше по Олзѣ и слушаше его, и приведоша ему жену отъ Плескова, именемъ Ольгу“.

Послѣ возвышенія своего великая княгиня никогда не забывала родного города и помогала ему всѣмъ, чѣмъ могла. Въ Спасо-Мирожскомъ монастырѣ утверждаютъ, что ихъ мѣсто особенно священно, такъ какъ его посѣтила сама великая княгиня Ольга; на берегу р. Великой, у звонницы, стоитъ часовня св. Ольги. По преданію, на этомъ самомъ мѣстѣ стояла Ольга и увидала надъ правымъ берегомъ три свѣтлыхъ луча; здѣсь она приказала поставить крестъ и проговорила: „быти здѣсь великому и славному городу“. Часовенку соорудили позднѣе; изъ-подъ нея бьетъ источникъ съ цѣлебной водой, слывущій Ольгинымъ ключомъ.

Какъ примѣръ популярности княгини въ ея родномъ городѣ, укажу еще на Ольгинъ мостъ и развалины около Златоустовскаго переулка, съ огромными подвалами; народъ называетъ ихъ Ольгиной расправой, но это совершено невѣрно, такъ какъ сооруженія эти относятся XVI или XVII вѣку.

Чрезвычайно высокій, бѣлый и широкій, съ толстыми

стѣнами, соборъ производитъ внушительное впечатлѣніе. Стоя на холмѣ, открытый со всѣхъ сторонъ, онъ виденъ со всѣхъ сторонъ Пскова и въ окрестностяхъ на 60 верстъ; даже на такомъ далекомъ разстояніи, какъ я убѣдилась впослѣдствіи, отчетливо, видны детали его и всѣ строго симметричныя, несмотря на огромную величину, красивыя очертанія.

Мы прошли черезъ вымощенный чистый дворъ и вступили въ огромныя сѣни съ каменной лѣстницей; сторожъ отперъ двери, запертыя чудовищнымъ стариннымъ замкомъ.

Внутренность собора величественна и богата: куполъ его, поддерживаемый шестью колоннами, уходитъ вверхъ на страшную высоту; свѣтъ падаетъ въ преизобиліи сквозь многочисленныя окна. Иконостасъ производитъ захватывающее впечатлѣніе; весь красный, крайне высокій, онъ сверкаетъ въ позолотѣ и огнѣ лампадъ. Чтобы понять всю красоту этого иконостаса, надо видѣть его самому, и даже хотя бы ради него и собора стоитъ посѣтить Псковъ. Невольно я вспомнила католическіе костелы въ Вильнѣ: насколько внутренность нашихъ церквей красивѣе и сердечнѣе ихъ!

Главная святыня собора—мощи св. князя Всеволода-Гавріила, перваго князя псковскаго; онъ прожилъ здѣсь всего одинъ годъ, но оставилъ прочную память охранителя русской земли. Скончался онъ въ 1138 г., а въ 1193 г. мощи его уже были торжественно перенесены въ Троицкій соборъ; память его празднуется во Псковѣ ежегодно.

Въ 1362 г. внезапно рухнули своды собора и сильно

повредили голову князя, такъ что мощи пришлось заключить въ серебряную раку. Канонизація его произошла въ 1547 г., псковичи же признали его святымъ еще съ 1193 г. Во многихъ церквяхъ Пскова находились древнія иконы съ изображеніемъ св. Гавріила-Всеволода; нынѣ ихъ сохранилось очень немного.

Князь Всеволодъ возвелъ первый въ городѣ каменный соборъ св. Троицы, гдѣ и былъ погребенъ.

Около раки съ мощами виситъ огромный мечъ князя, длиною 2 аршина; вѣситъ онъ безъ деревянныхъ ноженъ болѣе 17 фунтовъ. Рукоять его серебряная, съ алымъ бархатомъ, съ готической надписью, въ переводѣ означающей—„чести моей никому не отдамъ,“ и съ изображеніемъ герба. Еще Іоаннъ Грозный дивился „величествію“ его; псковичи же крайне почитаютъ его и надпись на мечѣ сдѣлалась ихъ девизомъ.

Нѣкогда тамъ же висѣлъ и щитъ князя, но онъ исчезъ неизвѣстно куда и когда.

Въ правомъ придѣлѣ, въ гробницѣ, представляющей простой высокій ящикъ, покоятся мощи другого знаменитаго псковскаго князя—Довмонта.

Сынъ легендарнаго Миндовга, перваго великаго князя Литовскаго, Довмонтъ въ 1266 г. спасся со своей дружиной во Псковѣ отъ мести враждебной ему партіи; жители встрѣтили его радушно, уговорили принять православную вѣру и сдѣлали его своимъ княземъ. Тридцать три года княжилъ онъ, живя душа въ душу со псковичами; сосѣди боялись его, такъ какъ онъ ни одной псковской обиды не оставлялъ безнаказанно.

Необыкновенно храбрый, онъ обладалъ талантомъ

полководца и умѣлъ зажигать сердца воиновъ немногими словами.

„Братья мужи псковичи!“ сохранились слова Довмонта, сказанныя имъ передъ битвой: „Кто старъ, той отецъ, а кто младъ, той братъ! Слышалъ есмь мужество ваше во всѣхъ странахъ, се же, братья, намъ предлежитъ животъ и смерть. Братья мужи псковичи! Потягнете за святую Троицу, и за святыя церкви, и за свое отечество!“

Рѣчь эта обратилась у псковичей въ боевое присловье, которое повторяли до XVI вѣка.

Преданія говорятъ, что подъ предводительствомъ такого вождя псковичи творили чудеса: 90 человѣкъ Довмонтовой дружины разбили литовскій отрядъ, превышавшій ихъ числомъ въ 8 разъ; въ другой разъ горсть ихъ въ 60 человѣкъ обратила въ бѣгство 800 нѣмецкихъ рыцарей. Вѣроятно, рѣчь идетъ о внезапныхъ нападеніяхъ, когда быстрота натиска и неожиданность его играютъ главную роль.

Послѣдній подвигъ Довмонта былъ въ 1299 году, въ годъ его смерти. Въ одинъ прекрасный день нѣмцы неожиданно подошли ко Пскову, перебили монаховъ въ Мирожскомъ и Снѣтогорскомъ монастыряхъ и стали готовиться къ осадѣ города. Пылкій Довмонтъ не захотѣлъ ждать, пока соберется вся псковская рать; отправившись въ соборъ св. Троицы, онъ горячо помолился о помощи и, опоясанный мечомъ, съ небольшой дружиной своей ударилъ на нѣмцевъ:

„Помощію святыя Троицы, и святого Петра и Павла, на берези удари на нихъ и бысть сѣча зла, яко же

николи же не бывала у Пскова, и раниша самого мендеря (магистра) во главу... а прочіи вскорѣ повергша оружія и устремишася на бѣгъ, страхомъ грозы храборства Довмонтова и мужь его псковичъ.“

Псковъ былъ снова спасенъ Довмонтомъ!

Псковичи благоговѣйно чтутъ память князя, считая его святымъ; лѣтописи записали много случаевъ чудесъ его послѣ смерти. Особенно интересно одно. Въ 1480 г. нѣмцы обложили Псковъ сплошной стѣной; во снѣ одному человѣку явился Довмонтъ и приказалъ трижды обнести вокругъ городскихъ стѣнъ покровъ съ его гроба. Проснувшись, псковичъ разсказалъ объ этомъ согражданамъ; тѣ поспѣшили выполнить указаніе сна и послѣ этого кинулись въ бой,—рыцари потерпѣли страшное пораженіе.

Также чтутъ псковичи и мечъ князя, висящій около гробницы его; онъ не такъ тяжелъ и богатъ, какъ мечъ св. князя Всеволода.

Въ соборѣ же лежитъ и знаменитый Никола Салосъ, юродивый. Когда Грозный, разоривъ и затопивъ человѣческой кровью Новгородъ, пріѣхалъ во Псковъ, 18 февраля 1570 года, чтобы расправиться и съ нимъ,—юродивый Никола спасъ родной городъ, предложивъ царю кусокъ сырого мяса. На отвѣтъ удивленнаго царя: „теперь постъ, и я мяса не ѣмъ“—юродивый возразилъ: „какъ же не ѣшь?.. а кровь человѣческую-то пьешь?.. Нѣтъ ужъ, на возьми, съѣшь!..“

Іоаннъ молча дернулъ коня и поѣхалъ со своими опричниками къ собору, гдѣ выслушалъ молебенъ и ограничился только тѣмъ, что приказалъ снять съ

соборной звонницы колоколъ, обобрать по монастырямъ и церквямъ деньги, иконы, сосуды и пр., да кстати пограбить жителей. Псковичи благодарили Бога, что отдѣлались такъ дешево и, приписывая это заступничеству блаженнаго Николы, послѣ смерти его въ 1576 г. погребли его подъ Троицкимъ соборомъ, гдѣ хоронили только псковскихъ князей.

Обращаетъ еще на себя вниманіе большой деревянный крестъ св. Ольги; настоящій погибъ во время страшнаго пожара 1609 года, а этотъ является точною копіею погибшаго.

Недалеко отъ мощей святого Николы, въ огромной галлереѣ собора, стоитъ у стѣны очень большая доска, на которой неизвѣстный художникъ, очевидно современникъ, иконописнымъ образомъ, безъ перспективы, изобразилъ осаду Пскова Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 г. Картина очень потемнѣла, но разобраться въ ней можно, и мало-по-малу тогдашній Псковъ предсталъ передъ нами. Какая разница между нынѣшнимъ и минувшимъ! Какой это былъ тогда огромный городъ! Одинъ изъ участниковъ похода Стефана Баторія написалъ при видѣ его, что онъ даже больше Парижа: „помоги Боже намъ справиться съ нимъ!“ А какія были тогда могучія стѣны, и какое большое пространство онѣ замыкали собой! Многихъ внутреннихъ стѣнъ, нарисованныхъ на иконѣ, теперь и въ поминѣ нѣтъ; кое-гдѣ остались лишь слѣды ихъ; многихъ столь извѣстныхъ тогда зданій нынѣ тоже нѣтъ, и лишь соборъ св. Троицы высится попрежнему.

Осмотрѣвъ соборъ, мы спустились въ склепъ

находящійся подъ нимъ; это древнѣйшая часть храма, на сводахъ котораго возводились новыя стѣны. Два помѣщенія сплошь заполнены громадными каменными гробами, покрытыми тяжелымъ синимъ бархатомъ съ золотыми крестами. Дощечки на нихъ гласятъ, кто и когда похороненъ; самыя же тѣла лежатъ въ землѣ, подъ каменнымъ поломъ собора. Тутъ погребены великіе князья, знатные люди и архіепископы псковскіе; особымъ почетомъ здѣсь пользуется могила архіепископа Симеона Тодорскаго († 1754); надъ нею постоянно служатъ панихиды.

Мы снова вышли на дворъ и направились къ стѣнѣ, нѣкогда окружавшей весь городъ; съ нея открывается чудный видъ на рѣку Великую. Красавица-рѣка, широкая и многоводная, уходитъ вдаль, къ Псковскому озеру, неся на себѣ цѣлую флотилію всевозможныхъ судовъ, барокъ и лодочекъ; сейчасъ же за горой въ нее впадаетъ извилистая Пскова. По берегу тянутся еще величественныя стѣны, остатки псковскаго Дѣтинца, сурово глядящія въ быстрыя волны; ихъ почти не ремонтируютъ, и онѣ разрушаются съ каждымъ днемъ.

На лѣвомъ берегу раскинулось все въ зелени тихое Завеличье. На правомъ кипитъ работа: подъ стѣнами десятки рабочихъ возятъ въ тачкахъ уголь, дрова и песокъ съ барокъ; по дорогѣ снуетъ толпа. Вдали по обѣ стороны рѣки виднѣются многочисленные дома, окруженные зеленью, Спасо-Мирожскій и Снѣтогорскій монастырь, въ которомъ нѣкогда стоялъ штабъ короля шведскаго Густава-Адольфа. Еще дальше

Завеличье.

арками высится желѣзный мостъ... Невольно вспомнилось стихотвореніе Яхонтова:

Мечъ тяжелый Гавріила,
Пятиглавый нашъ соборъ,
Князя Довмонта могила,
Запахъ древности, просторъ;
Чудотворныя иконы,
Стѣны стараго кремля,
Башня, славная въ дни оны
Чудной силой обороны
Отъ Батура-короля;
Монастырь, что на Мирожѣ,
Обмелѣвшая Пскова,
. . . . . .
. . . . . .
Всюду старыя заплаты,
Слѣдъ—кой-гдѣ—былыхъ вѣковъ,
Да Поганкины палаты...
Вотъ онъ—добрый старый Псковъ!..

Взявъ направо отъ сѣней Троицкаго собора, мы по чудесной тѣнистой аллеѣ добрались до деревянной лѣсенки, ведущей налѣво на открытую площадку, устроенную на развалинахъ башни „Кутекрома.“ Названіе свое она получила отъ сочетанія двухъ старинныхъ словъ: „кутъ“—уголъ и „кромъ“—кремль. Видъ съ нея очень хорошъ: отсюда видны Завеличье, Запсковье и устье Псковы-рѣки; видомъ этимъ часто любовался отсюда А. С. Пушкинъ, во время своихъ пріѣздовъ изъ Михайловскаго.

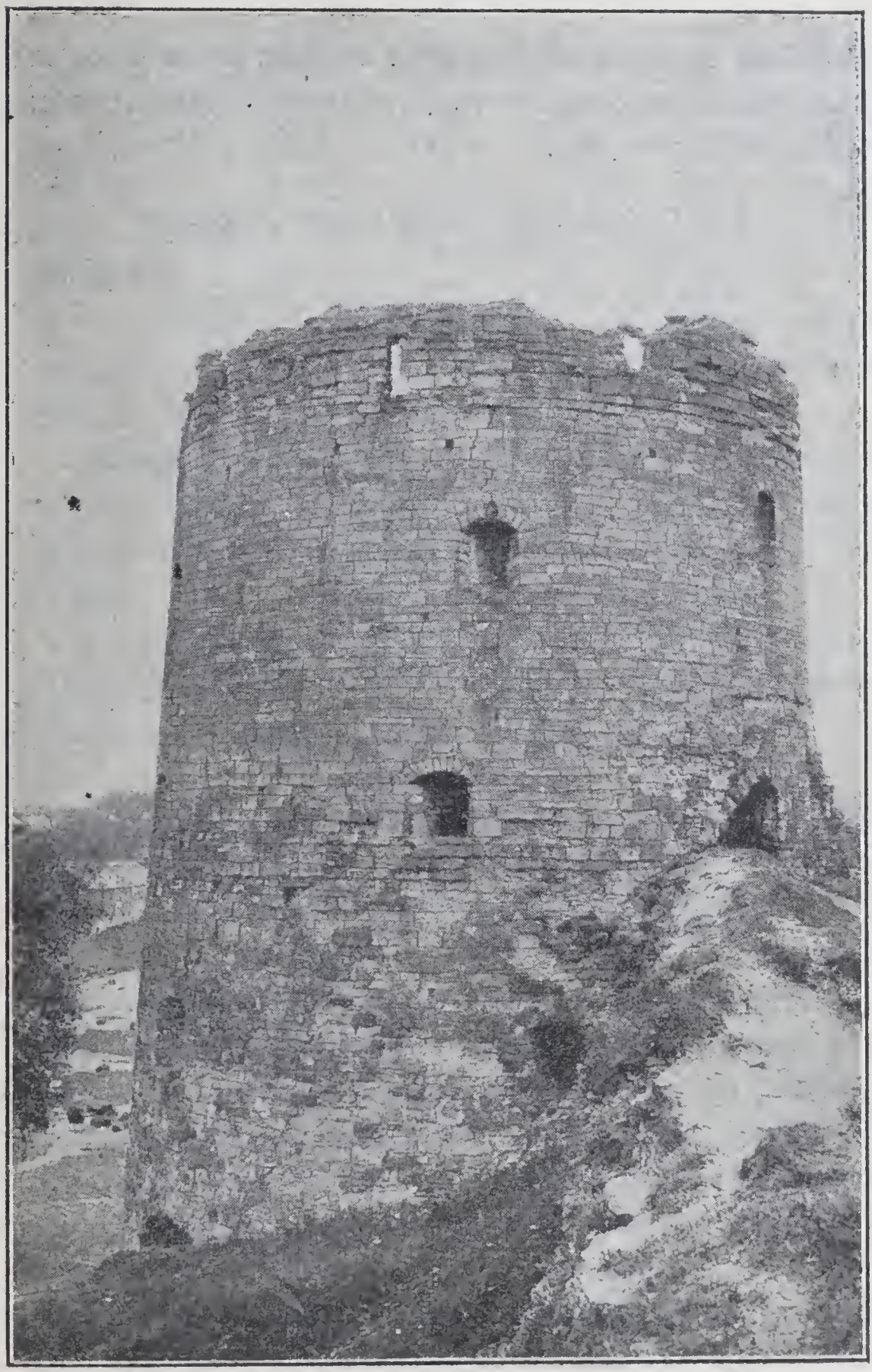
Отъ Кутекромы шла низенькая каменная стѣнка, заканчивающаяся развалинами башни 1500 года; въ другую же сторону отъ „Кутекромы“ стѣна развалилась на большомъ разстояніи. Сама башня издали замѣтна мало.

Гуляя по городу, мы вездѣ натыкались на остатки древнихъ стѣнъ, земляныхъ валовъ и башенъ, кое-гдѣ отлично сохранившіеся, но въ большинствѣ случаевъ находящіеся въ весьма жалкомъ видѣ; несмотря на прибитыя вездѣ объявленія археологическаго общества съ запрещеніями разрушать и портить ихъ,—съ ними дѣлаютъ что угодно. Странно было видѣть иногда среди домовъ сиротливо стоящую стѣну или башню: городъ давно перекинулся за свою бывшую границу!

Эти стѣны, по свѣдѣніямъ лѣтописи, выдержали 26 нападеній и осадъ и только одинъ разъ въ 1240 г., измѣною псковича Твердилы, городъ былъ взятъ. Находясь, также какъ и Псково-Печерскій монастырь, почти на самой Ливонской границѣ, онъ особенно часто подвергался набѣгамъ иностранцевъ, жаждавшихъ захватить въ свои руки богатый сильный городъ, но стѣны съ честью отражали ихъ. Съ присоединеніемъ Лифляндіи при Петрѣ Великомъ значеніе города сразу упало и онѣ, „омытыя слезами и кровью псковичей“, теперь уже никому не нужны...

По густой аллеѣ мы вышли къ подножію большого холма, увѣнчаннаго желѣзнымъ крестомъ; это братская могила, сооруженная надъ тѣлами погибшихъ въ битвѣ 8 сентября 1581 г. съ войсками короля польскаго Стефана Баторія.

Недалеко отъ братской могилы на холмѣ высится старая башня 1525 г., носящая странное названіе „Гремячьей“; разъяснить его до сихъ поръ не удалось. Собственно, настоящая „Гремячья“ башня, нѣкогда стоявшая у Гремячьихъ воротъ, давно исчезла, и ея названіе



Гремячья башня.

получила сосѣдка ея, похожая на нее; вмѣстѣ съ именемъ башня передала и таинственную легенду, красиво переданную поэтомъ.

Во Псковѣ, надъ старой стѣной городской,
Гремячая башня стоитъ,
Подъ башнею этой есть склепъ потайной,
Въ томъ склепѣ дѣвица лежитъ.
Лежитъ она во гробѣ, дѣвица-княжна,
И свѣчи вкругъ гроба горятъ,
Лежитъ она, словно къ вѣнцу убрана
Въ богатый невѣсты нарядъ.
И много въ томъ склепѣ богатой казны
И съ золотомъ бочки кругомъ—
Дѣвичье приданое бѣдной княжны
Несмѣтное собрано въ немъ.
Не мертвая дѣвица въ гробѣ лежитъ—
Во снѣ непробудномъ она,
И время безслѣдно надъ нею летитъ,
Надъ нею и смерть не властна.
И спать непробудно назначено ей,
Пока не найдетъ жениха,
Чтобъ сердцемъ не вѣдалъ страстей
И тѣло соблюлъ отъ грѣха.

Легенда разсказываетъ далѣе, что для того, чтобы освободить ее и получить вмѣстѣ съ рукой ея всѣ богатства, нужно читать надъ нею псалтирь въ теченіе 12 сутокъ безъ отдыха. По другой же версіи, надо спуститься въ склепъ въ ночь на Великую Пятницу и прочесть надъ нею всѣ двѣнадцать евангелій, послѣ чего она превратится въ змѣю; если сейчасъ же накинуть на нее шейный крестикъ, то княжна приметъ человѣческій образъ и освободится отъ чаръ.

Однажды нашелся такой храбрецъ и явился въ башню; съ шумомъ упали передъ нимъ всѣ цѣпи и замки и растворились желѣзныя заржавленныя двери. Спустившись въ склепъ, молодецъ читалъ безъ перерыва шесть сутокъ, храбро противустоя всѣмъ страшнымъ видѣніямъ, окружавшимъ его. Но на седьмую ночь онъ не выдержалъ и задремалъ; въ ту же секунду нечистая сила выбросила его вонъ, и несчастный, пролежавъ двое сутокъ безъ языка, вскорѣ умеръ.

Народъ утверждаетъ, что по ночамъ башня иногда издаетъ звонъ: то звенитъ зарытое золото, ожидая своего избавителя; отъ этого башня и зовется Гремячьей.

Быть-можетъ, въ основѣ этой легенды лежитъ правда? Можетъ-быть, еще въ глубокую старину жители, готовясь къ осадѣ, закопали здѣсь какія-либо богатства?..

Башня заперта и пройти въ нее мы не могли; намъ говорили, что внутри она сохранилась довольно хорошо, особенно замѣчательно уцѣлѣла въ стѣнѣ 5-го яруса каменная лѣстница, ведущая на самый верхъ башни.

Осмотрѣвъ по очереди Покровскую, Глухую и др. башни, мы дошли до большого разрыва въ стѣнѣ; направо виднѣлись развалины Свинорской башни. Это такъ называемый Баторіевъ проломъ; на этомъ мѣстѣ псковичи отбили штурмъ во много разъ сильнѣйшаго врага.

Въ 1581 г. стотысячная польская армія, предводимая лучшими полководцами того времени, гетманомъ

Яномъ Замойскимъ и самимъ королемъ польскимъ, Стефаномъ Баторіемъ, вторглась во псковскую землю. Разоривъ по пути города и села, она 26 августа стала подъ Псковомъ.

Псковъ имѣлъ всего 50 тысячъ жителей, способныхъ носить оружіе; начались лихорадочныя приготовленія къ защитѣ.

Съ 1 сентября поляки принялись за жестокую бомбардировку, разрушили нѣсколько мѣстъ въ стѣнахъ и перебили много народа; 8 сентября начался генеральный штурмъ; Покровская и Свинорская башни были избиты снарядами и бомбами...

Въ полдень враги ворвались въ проломы, но тутъ они встрѣтили наскоро сооруженную деревянную стѣну, съ высоты которой псковичи осыпали ихъ градомъ камней и чѣмъ попало. Закипѣлъ страшный бой, въ которомъ не давалось никому пощады; перевѣсъ склонился на сторону враговъ и вскорѣ на обѣихъ башняхъ взвились королевскія знамена. Увидѣвъ ихъ, все, что могло держать оружіе, женщины, подростки, все бросилось противъ враговъ. Въ эту рѣшительную минуту прискакали во весь опоръ три всадника-монаха, извѣстные всему Пскову,—Печерскій келарь Арсеній Хвостовъ, казначей Снѣтогорскаго монастыря Іона и игуменъ Мартирій—всѣ трое изъ боярскихъ дѣтей, бывшіе когда-то первыми воинами. „Не бойтесь, православные!“ кричали они:—„Богородица идетъ на помощь!“

Дѣйствительно, показался крестный ходъ съ чудотворными иконами и мощами св. князя Всеволода; при

видѣ него защитники съ криками и съ новымъ одушевленіемъ набросились на поляковъ... Вскорѣ псковскія пушки сбили верхъ башни, и королевскія знамена исчезли въ клубахъ пыли и дыма, а затѣмъ псковичамъ удалось подложить подъ Свинорскую башню бочки съ порохомъ. Произошелъ взрывъ, и башня свалилась на головы нападавшихъ; враги дрогнули и разомъ были оттѣснены за проломы: Псковъ былъ спасенъ.

Въ этотъ день, 8 сентября 1581 года, псковичи потеряли 863 человѣка убитыми и 1626 ранеными; поляковъ же легло около 5 тысячъ, при чемъ погибъ любимецъ Баторія, полководецъ Бекешъ.

Послѣ этого осада продолжалась, но безуспѣшно; одна Покровская башня, столь прославившаяся, отбила болѣе 230 штурмовъ и произвела около 50 вылазокъ. До сихъ поръ около нея находятъ изломанное оружіе, а подъ землею существуютъ минные подкопы съ обѣихъ сторонъ. 6 февраля 1582 г. Баторію пришлось снять осаду и отступить, не взявъ Пскова.

Теперь на мѣстѣ томъ все тихо; черезъ проломъ устроена дорога. Вѣчная память славнымъ защитникамъ не только Пскова, но и земли русской!

Недалеко отъ этого историческаго мѣста, въ стѣнѣ имѣется входъ въ подземную галлерею, неизвѣстно куда ведущую; отъ нея боковая галлерея идетъ подъ развалины старинной церкви св. Косьмы и Даміана „со утопленники“. Полагаютъ, что она была устроена для препятствованія врагамъ доводить свои мины до городской стѣны.

Походивъ по городу, мы вышли на „Рыбники“, самое оживленное мѣсто; въ немъ— рыбная площадь и набережная подъ стѣнами кремля. На базарѣ, находящемся вблизи „рыбниковъ“, царятъ суетня, шумъ и крики; живность, ягоды, всякая провизія здѣсь въ изобиліи. Особенно обращаетъ на себя вниманіе земляника: величиною въ два-три грецкіе орѣха, она необыковенно сочна и вкусна и стоитъ дешево. Часто встрѣчались крестьянки въ нарядныхъ старинно-русскаго покроя платьяхъ; въ такихъ вѣрно ходила когда-то св. княгиня Ольга.

Мы направились въ гостиницу переночевать, чтобы на слѣдующее утро выѣхать въ Псково-Печерскій монастырь.

IV.

Псково-Печерскій монастырь.

Въ сорока верстахъ отъ Пскова прячется среди горъ маленькая желѣзнодорожная станція, извѣстная тѣмъ, что въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ нея находится извѣстный Псково-Печерскій монастырь, славный своими пещерами и геройской защитой отъ враговъ въ теченіе многихъ вѣковъ.

Около десяти часовъ утра мы высадились изъ вагона и направились по широкому шоссе, вьющемуся по холмамъ, покрытымъ густыми лиственными лѣсами; нѣтъ-нѣтъ и открывался широкій просторъ, затѣмъ опять передъ глазами вставали разноцвѣтные обрывы овраговъ.

Вскорѣ мы пришли въ посадъ, выросшій вокругъ монастыря; миновавъ одну изъ улицъ, мы завидѣли церковь, а затѣмъ и бѣлую стѣну монастыря; надъ входными воротами висѣлъ большой образъ Спасителя.

Въ этихъ воротахъ, 20 февраля 1570 г., разгнѣванный Грозный царь своею рукой убилъ настоятеля Корнилія, вышедшаго съ крестомъ привѣтствовать царя. Игуменъ этотъ правилъ монастыремъ болѣе сорока лѣтъ и былъ самымъ замѣчательнымъ лицомъ въ его исторіи. Убивъ инока, царь вдругъ ужаснулся

Печерскій монастырь.

и, съ раскаяніемъ облобызавъ мертваго настоятеля, поднялъ тѣло и собственноручно понесъ его въ келью, а затѣмъ пожертвовалъ большія суммы денегъ осиротѣвшему монастырю.

Пройдя ворота, мы вступили въ длинную, выложенную плитами алелю изъ тѣнистыхъ березъ; слѣва она круто обрывалась на огромную глубину внизъ. Въ концѣ аллеи подымался новый соборъ св. Архистратига Михаила, а влѣво, за долиной, вставала высокая гора, густо поросшая лѣсомъ; въ кручѣ ея вырѣзанъ знаменитый Успенскій соборъ, сразу переносящій посѣтителя въ древнюю Русь.

Онъ весь красный съ пятью небесно-голубыми главами, по которымъ разсыпаны звѣзды; золотые кресты увѣнчиваютъ ихъ. Съ наружной стороны глядятъ изъ подъ куполовъ священныя изображенія, ярко блещущія въ лучахъ солнца.

Крыша за ними упирается въ гору, такъ что съ нея можно свободно попасть въ садъ.

Передъ соборомъ разстилается огромный вымощенный и необыкновенно чистый дворъ; почти на серединѣ, ближе къ собору, онъ повышается и переходитъ въ терасу съ длинными каменными ступеньками. Тамъ же, на днѣ оврага, въ чащѣ деревьевъ скрываются монастырскія строенія; все содержится въ удивительной чистотѣ, а около нѣкоторыхъ зданій разбиты куртины съ цвѣтами.

Уединенное убѣжище это, мирно ютящееся на днѣ глубокаго оврага, опоясываютъ высокіе холмы, покрытые лѣсами; видъ съ нихъ внизъ необыкновенный, но

больше всего приковываетъ къ себѣ глазъ этотъ удивительный соборъ-пещера, вырѣзанный въ пластѣ песчаника!

Не менѣе удивительна и исторія его.

Много вѣковъ тому назадъ здѣсь шумѣли непроходимые лѣса, переполненные дикими звѣрями; здѣсь же, въ „Богозданныхъ“ пещерахъ поселились святые подвижники, и гора, гдѣ они заживо погреблись отъ міра, понынѣ именуется святою.

Однажды пришли на эту гору охотники и, утомившись, присѣли отдохнуть у большого камня, подъ дубомъ; вдругъ имъ почудилось церковное пѣніе, а воздухъ наполнился благоуханіемъ. Не видя никого, охотники рѣшили, что это пѣли ангелы.

Вернувшись въ Изборскъ, они повѣдали обо всемъ случившемся жителямъ его; на общемъ совѣщаніи рѣшено было пріобрѣсти эту землю у псковичей. Мѣсто около пещеръ, которыя еще не были извѣстны, досталось одному крестьянину, который поселился тамъ и основалъ нынѣшній посадъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ; однажды онъ отправился для порубки лѣса на гору, гдѣ охотники слышали пѣніе, и срубилъ большое дерево, стоявшее на обрывѣ надъ потокомъ. Дерево покатилось внизъ и свалило по пути нѣсколько другихъ; вмѣстѣ съ ними рухнулъ большой пластъ земли, и открылся входъ въ пещеру, надъ которымъ виднѣлась надпись: „Богомъ зданная пещера“.

Кто сдѣлалъ ее—неизвѣстно.

По свидѣтельству лѣтописца, одинъ юродивый ча-

сто стиралъ эту надпись, но она всякій разъ появлялась снова; молва объ этомъ распространилась по всѣмъ окрестностямъ, и больше никто не осмѣливался посягать на нее. Нынѣ она исчезла подъ кирпичомъ, которымъ обложили входъ въ пещеры.

Время открытія пещеръ точно неизвѣстно; по показанію лѣтописи, онѣ стали извѣстны лишь въ 1392 году.

Монастырь возникъ на самой ливонской границѣ и, благодаря этому, исторія его сплошь ознаменована осадами и войнами. Преподобный Корнилій обнесъ монастырь каменной стѣной съ башнями и воротами; Іоаннъ Грозный, воевавшій тогда съ ливонцами, повѣрилъ навѣту, будто игуменъ возвелъ стѣны для защиты отъ русскихъ, и это стоило жизни послѣднему.

Такъ же, какъ и въ исторіи Пскова, нашествіе Стефана Баторія имѣло огромное значеніе въ исторіи монастыря.

Когда король осадилъ Псковъ, войска его разъѣзжали повсюду и нѣкоторые отряды были истреблены и захвачены защитниками Печерскаго монастыря, въ большомъ количествѣ собравшимися тамъ со всей области. Узнавъ объ этомъ, король послалъ къ обители многочисленное войско, и началась осада. На другой же день пушкамъ враговъ удалось пробить стѣну, и войска короля храбро пошли на приступъ.

Печерцы, видя себя на краю гибели, понесли чудотворную икону Пречистой Богородицы къ пролому. Когда начался приступъ, монахи и стрѣльцы встрѣтили нападающихъ; завязалась отчаянная битва, окончив-

шаяся лишь позднимъ вечеромъ полнымъ пораженіемъ враговъ.

Баторій послалъ въ подмогу своимъ новый отрядъ венгерцевъ и еще четыре пушки, сказавъ на прощанье, что если они не разорятъ монастыря и не перебьютъ тамъ всѣхъ, то лучше имъ и не возвращаться къ нему.

Нѣмцы, венгерцы и поляки принялись громить стѣны разомъ въ двухъ мѣстахъ; пальба продолжалась нѣсколько дней. Печерцы энергично встрѣтили новую атаку враговъ, ринувшихся на нихъ разомъ въ два пролома; женщины и дѣти принимали въ сѣчѣ дѣятельное участіе, заряжая ружья и пищали, кипятили воду и обливали ею враговъ; иныя рубились топорами. Враги снова потерпѣли пораженіе.

Несмотря на моръ и разныя болѣзни, косившія защитниковъ отъ страшной тѣсноты, осада не приводила ни къ чему.

Чудесная защита изумляла всѣхъ и въ дневникѣ одного поляка, участника осады Пскова, записано подъ 16 ноября 1581 года: „Борнемисѣ съ венгерцами, Фаренсбеку съ нѣмцами не везетъ въ Печерахъ. Пробьютъ брешь въ стѣнѣ, подойдутъ къ ней, да и остановятся, далѣе итти не могутъ. Всѣ удивляются, отъ чего это происходитъ! Одни говорятъ, что это колдовство со стороны русскихъ, другіе—что мѣсто свято. Уже второй приступъ не удается! Эти монахи творятъ чудеса храбрости!“

Баторію со стыдомъ пришлось снять осаду Пскова и Печерскаго монастыря и удалиться во свояси...

Такъ же храбро отражала знаменитая стѣна мо-

настыря и позднѣйшіе набѣги шведовъ, поляковъ, нѣмцевъ, литовцевъ и наконецъ французовъ въ 1812 г..... Лишь благодаря обители этой, православіе широко распространилось и укоренилось по всему Лифляндскому краю; заслуги ея не будутъ забыты никогда!

Мы вошли въ соборъ, гдѣ находится главная святыня монастыря—чудотворный образъ Успенія; насъ охватили сумерки, едва позволявшія разглядѣть внутренность храма. Онъ болѣе чѣмъ невеликъ и скроменъ, но для древнихъ подвижниковъ онъ былъ достаточенъ. Съ удивленіемъ и восторгомъ ходила я между колоннами, тѣсно прижатыми къ иконостасу; ниши, колонны—все вырѣзано изъ бѣлорозоваго песчаника. Какая огромная работа! Сколько времени потратили на нее иноки со своими первобытными орудіями!

Необыкновенное настроеніе охватываетъ васъ въ этомъ храмѣ; скудно льющійся изъ пары-другой узкихъ окошечекъ свѣтъ претворяется здѣсь въ благоговѣйныя сумерки, словно скрывающія тѣни подвижниковъ, нѣкогда тутъ молившихся всю жизнь свою. Немногочисленныя лампадки слабо озаряютъ образъ Богородицы, суровые лики святыхъ и почивающія вправо отъ иконостаса мощи игумена Корнилія.

Между колонами совсѣмъ темно и тихо; хотѣлось подольше не уходить отсюда и стоять, не думая ни о чемъ,..

Мы вышли на дзоръ и сѣли на ступенькахъ площадки. Трудно передать словами всю красоту собора,

вида и впечатлѣніе, производимое всѣмъ окружающимъ!

Отдохнувъ и осмотрѣвъ постройки, мы направились къ рѣшетчатой двери, ведущей въ пещеры, вырытыя подвижниками. Входъ въ нихъ оказался рядомъ съ соборомъ, въ той же стѣнѣ горы; надъ нимъ бросается въ глаза надпись золотыми буквами: „Входъ въ пещеру, Богомъ зданную".

Насъ встрѣтилъ невысокій монахъ въ скуфьѣ, съ быстрыми сѣрыми глазками и симпатичнымъ лицомъ; отперевъ шкапчикъ, онъ вынулъ и вручилъ намъ по парѣ тоненькихъ восковыхъ свѣчекъ, затѣмъ заперъ наружныя двери и пошелъ впереди насъ. Пахнуло холодомъ; стѣны казались облитыми водой, а по большимъ образамъ, стоящимъ недалеко отъ входа, оставляя за собой полосы, стекали капли. Пещеры развѣтвляются на множество большихъ и малыхъ коридоровъ, въ свою очередь раздѣляющихся на рукава и гроты. Стѣны и своды вначалѣ выложены краснымъ кирпичомъ; мало-по-малу онѣ становились все суше и суше, и наконецъ мы увидали кругомъ себя совершенно сухой, нѣжно-розовый съ разнообразными отливами и прожилками песчаникъ, легко осыпавшійся подъ ногтями; своды и стѣны въ глубинѣ подъ землей остались въ первобытномъ видѣ. Во многихъ мѣстахъ они были изрыты и изверчены,—это паломники выскребали песокъ, почитая его цѣлебнымъ противъ зубной боли; въ другихъ же частяхъ коридоровъ при свѣтѣ можно было разглядѣть, внизу и наверху, свѣтло-сѣрыя зарождающіеся сталактиты и сталагмиты.

Пройдутъ столѣтія, и эти подземелья при свѣтѣ огней будутъ представлять феерическое зрѣлище!

По обѣ стороны коридоровъ безконечными рядами тянутся вдѣланныя въ стѣны каменныя доски съ крестами и древне-славянскими надписями; за ними, въ стѣнахъ, спятъ вѣчнымъ сномъ монахи и славные защитники обители. Иныя надписи почти совсѣмъ стерлись, другія же точно вырѣзаны вчера, словно надъ ними не пронеслись столѣтія; есть весьма интересныя.

Погребенія эти начинаются со средины XVI вѣка напр.;„ 7067 (1559) мѣсяца Августа убіенъ отъ нѣмецъ Ливонскихъ Иванъ Глѣбовъ сынъ...“ далѣе не разобрать. много тамъ лежитъ убитыхъ въ битвахъ тѣхъ временъ.

Проводникъ нашъ показалъ намъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ щели въ стѣнахъ, на различной высотѣ; съ помощью свѣчъ мы заглядывали въ нихъ и видѣли смутныя очертанія потемнѣвшихъ и полуразвалившихся гробовъ. Запахъ отсутствовалъ совершенно. Въ одну щель видны были чьи-то обнаженныя и хорошо сохранившіяся ноги; въ другой усыпальницѣ лежала груда человѣческихъ тѣлъ.

Многіе коридоры заложены наглухо, и у поперечныхъ стѣнъ поставлены алтари съ образами; сдѣлано это въ видахъ безопасности посѣтителей, могшихъ иначе легко заблудиться въ безконечныхъ подземныхъ лабиринтахъ;

Мы сравнительно скоро выбрались на свѣтъ Божій; послѣ мрака и безмолвія какъ пріятно было увидѣть синее небо!

Между пещерами и старымъ соборомъ находится старинная звонница: отдѣльная высокая стѣна, съ

Печеры.

прорѣзами наверху, въ которыхъ висятъ колокола. Это единственное мѣсто на Руси, гдѣ вмѣсто языковъ раскачиваютъ самые колокола, какъ у католиковъ.

По ходу, продѣланному въ звонницѣ, мы направились на Святую Гору; густой яблочный садъ обступилъ насъ со всѣхъ сторонъ. Послѣ жары іюньскаго дня тамъ было очень хорошо, хотя и сыро.

Неподалеку отъ голубыхъ главъ, поднимавшихся теперь у самыхъ ногъ нашихъ, мы увидѣли нѣсколько могучихъ дубовъ; два изъ нихъ окружены рѣшетками и толщины невѣроятной. Особенно чудовищенъ дубъ, растущій ближе къ краю обрыва: его не охватить и тремъ людямъ; вѣтви его, каждая съ толстое дерево, высоко подымались надъ нами.

Мы усѣлись на нѣсколькихъ большихъ камняхъ; по преданію, тутъ отдыхали охотники, услыхавшіе пѣніе подвижниковъ, очевидно донесшееся черезъ какую-либо расщелину вблизи. Дубы, быть-можетъ, тѣ же; имъ никакъ не меньше пяти или шести вѣковъ.

Отдохнувъ, мы прошли къ башнѣ, выступающей въ поле и полуразвалившейся въ этомъ мѣстѣ; предъ нами открылся видъ на отдаленные луга и покрытыя лѣсами горы съ обрывами.

Полюбовавшись видомъ, мы вышли за ограду и пошли вдоль стѣнъ по валамъ вокругъ всего монастыря. Стѣна сложена изъ каменныхъ плитъ и имѣетъ семь или восемь башенъ; онѣ довольно хорошо сохранились и лишь верхнія части ихъ болѣе или менѣе разрушились. Двѣ сквозныя башни устроены надъ самымъ потокомъ; въ нихъ еще остались крѣпкія заржавлен-

ныя рѣшетки, нѣкогда дававшія протокъ водѣ и въ то же время защищавшія проходы отъ враговъ. Внутри большинства башенъ растутъ большія деревья и трава, лежатъ упавшіе камни...

Толщина стѣнъ около сажени; впереди нихъ еще сохранился значительно осѣвшій валъ, окруженный глубокимъ рвомъ. Особенно живописенъ монастырь со стороны оврага: толстая стѣна двумя крутыми изломами спустилась внизъ по склонамъ холмовъ и, сомкнувшись опять на днѣ котловины, образовала высокую башню, гордо подымающуюся со дна; на нее глядятъ двѣ сестры ея, стоящія на вершинахъ противоположныхъ холмовъ.

Мѣстность вокругъ монастыря вся изрѣзана глубокими оврагами; цѣлый день мы бродили по нимъ, заглядывая въ безчисленныя песчаныя пещеры, углубляясь въ густыя лиственныя заросли и только къ вечеру покинули Псково-Печерскій монастырь, давшій намъ столько незабвенныхъ минутъ!

М. С. Минцлова.

Дѣти на прокатъ. Брэддона. Ц. 30 к.

Дѣтскіе годы Багрова-внука. С. Т. Аксакова. Съ 40 рис. художн. К. Фридберга. Ц. 1 р.

Дѣтство и отрочество перваго царя изъ Дома Романовыхъ. А. Львовой. Ц. 40 коп.

Жизнь, какъ она есть. Разсказы изъ еврейской жизни Пружанскаго. Ц. 50 к.

За другихъ. Сборникъ разсказовъ. Ц. 20 к.

За правое дѣло. Разсказъ изъ средневѣковой жизни. Коломбъ. 3-е. 46 рис. Ц. 35 к.

Заря занялась. Историческая повѣсть А. Алтаева. Ц. 50 к.

За тронъ Московскій. Историческая повѣсть. М. Д. Ордынцева-Кострицкаго. Ц. 65 к.

Зимняя ночь и др. разсказы П. Розеггера, съ 21 рис. Ц. 25 к.

Изъ дѣтства Антона Павловича Чехова. А. Сѣдого. Ц. 30 к.

Каникулы. Разсказы В. А. и С. Минцлова. Ц. 30 к.

Караделло. Раз. А. Капуана. Пер. съ итал. Эдельштейнъ Ц. 20 к.

Клегъ-Келли. Романъ С. Кроккеттъ. Въ пер. для дѣтей, А. Н. Анненской. Изд. 2-ое. Ц. 50 к.

Колумбово яйцо. Физика въ опытахъ. Сборникъ научныхъ развлеченій. Состав. И. Игнатьевъ, съ 138 рис. въ текстѣ. Ц. 1 р.

А. В. Кольцовъ. Біограф. очеркъ Н. Д. Носкова, съ 12 рис. въ текстѣ. Ц. 20 к.

Кто виноватъ? Разск. Э. Цана. Пер. съ нѣм. Е. Тихѣевой. Ц. 20 к.

Къ сѣверному полюсу. Первая итальянская полярная экспедиція подъ начальствомъ герцога Абруццкаго въ 1899—1900 г.г. Перев. съ нѣмец. М. Волошиновой. Съ 21 рис. въ текстѣ. Ц. 35 к.

Къ южному полюсу. В. Берначчи, съ 31 рис. въ текстѣ, картой и истор. очерк. путешествій къ южному полюсу. Ц. 30 к.

Маленькій Джорджъ. Рождественскій разсказъ Миссисъ Мэкъ-Эмери Стюартъ, съ 5 рисунк. въ текстѣ. Ц. 20 к.

Меблированный островъ. Повѣсть Ф. Стоктона. Пер. съ англійск. З. Р., въ 2-хъ част. съ 45 рисунк. въ текстѣ. Ц. 50 к.

Митька. Пов. А. М. Т-вой. Ц. 30 к.

Міръ животныхъ. Э. Пименовой. Ц. 1 р. 25 к. Изд. 3-е, дополн., съ 250 рис. въ текстѣ.

Море и другія сказки. К. Эвальда. Ц. 25 к.

Море и его обитатели. Состав. по Брэму, Келлеру и др. Э. Пименовой. Изд. 2-е. 175 рис. Ц. 1 р.

Моряки—морскіе разсказы. Станюковича. Съ рис. Ц. 50 к.

На заоблачныхъ пастбищахъ. Очеркъ чабанской жизни на Чатыръ-Дагѣ. С. А. Качіони. Ц. 30 к.

Неудачникъ. Разсказъ А. Сѣдого. Ц. 35 к.

Никитинъ И. С. Собр. стих. Подъ ред. Н. Носкова. Ц. 20 к.

На родинѣ. Раз. для дѣт. старш. возр. Свирскаго. Изд. 2. 26 рис. Ц. 1 р.

Новыя датскія сказки. Для малыхъ и большихъ. Е. Нюбломъ. Переводъ съ подлинника А. и П. Ганзенъ. Ц. 35 к.

Пастушка Зидсель. Пов. изъ норв. жизни. Ганса Анруда. Ц. 25 к.

Первые русскіе лицедѣи. Біографич. повѣсть Н. Носкова. Ц. 25 к.

Петръ царевичъ. Истор. очер. В. Радича, съ 22 рис. Ц. 30 к.

Печать Цезаря. Историч. разск. А. Рамбо. Премировано Франц. Акад. Наукъ. Изд. 2-ое, 60 рис. Ц. 60 к.

По волнамъ эѳира Астрон. романъ Б. Красногорскаго. Ц. 75 к.

Подъ гнетомъ судьбы. Историческая повѣсть, Ѳ. Е. Зарина-Несвицкаго. Ц. 45 к.

Подъ Рождество. Сборникъ Рождеств. разсказ. Ц. 25 к.

Подъ солнцемъ Индіи. Э. Геккеля. Путев. письма. 70 рис. Ц. 35 к.

Прекрасный городъ. Повѣсть Бернетъ. Ц. 30 к.

Приключенія Барнаби Ли. Ист. пов. Д. Бенлета. 27 рис. Ц. 50 к.

Приключенія молодого натуралиста. Люсьена Біара. Изд. 2-е. 123 рис. Ц. 75 к.

Приключенія Тома. Пов. Марка Твэна. 95 рис. Изд. 3-е. 60 к.

Приключенія Финна. Его же. 63 рис. Изд. 3-е. Ц. 70 к.

Приключенія шести лѣсныхъ четвероногихъ. Джемса Гринвудъ, съ 12 отдѣльными картинками. Ц. 60 к.

Принцъ и нищій. Марка Твэна. 142 рис. Изд. 3-ье. Ц. 50 к.

Профессоръ Допотопновъ. Пов. Э. Маевскаго. 132 рис. Ц. 50 к.

Птица Юсупа. Повѣсть С. Качіони. Ц. 35 к.

Путешественники. Приключенія двухъ юныхъ бѣглецовъ. Кормчаго. Ц. 50 к.

Разсказы Гусева-Оренбургскаго, съ рис. Ц. 50 к.

Ріензи, послѣдній Римскій трибунъ. По Бульверу. Ц. 25 к.

Своими силами. Повѣсть съ рис. Буснахъ. Ц. 30 к.

Семейная хроника. С. Т. Аксакова. Съ 36 рис. художн. К. Фридберга. Ц. 65 к.

Семейство Чаннинговъ. Ром. Генри Вудъ. Въ передѣлкѣ для дѣтей А. Анненской. Изд. 2-е. Ц. 80 к.

Семь датскихъ сказокъ. Для малыхъ и большихъ. Е. Нюбломъ Переводъ съ подлинника А. и П. Ганзенъ. Ц. 35 к.

Смѣлые мореплаватели. Повѣсть Рудіарда Киплинга. Изд. 3-е. 21 рис. Ц. 50 к.

Спартакъ. Ист. ром. Джіованіоли. Въ пер. Е. Гадмеръ. Ц. 50 к.

Стрѣлой и арканомъ. Историческій романъ изъ русской жизни XIII вѣка. Ал. Алтаева. Ц 75 к.

Таинственный садъ. Повѣсть Бернетъ. Переводъ съ англійск. Н. Кургановой. Ц. 75 к.

Такъ суждено. Повѣсть. А Миклухо-Маклай. Ц. 50 к.

Торговецъ шелками изъ Дамаска. Пов. Р. Шоттъ. Ц. 50 к.

Удивительныя приключенія Тартарена Тарасконскаго. А. Додэ. Изд. 2-е. 13 рис. Ц. 25 к.

Царица Ирина. Историческій разсказъ А. Петрова. Ц. 20 к.

Царь царей. С. Р. Минцлова. Путеш. и прикл. на Байкал. озерѣ, съ 26 рис. въ текстѣ, въ 2 част. Ц. 50 к.

Человѣкъ-волкъ. Инд. раз. Р. Киплинга. 7 рис. Изд. 3, доп. Ц. 50 к.

Чернобурая лисица. Разсказъ Эрнста Томсона Ситона переводъ съ англійскаго З. Рагозиной. Ц. 20 к.

Т. Г Шевченко. Біограф. очеркъ Н. Д. Носкова, съ 8 рис. въ текстѣ. Ц. 30 к.

М. С. Щепкинъ. Біог. оч. Н. Носкова, съ 12 портр. Ц. 25 к.

Юрка. Повѣсть Л. Кормчаго. Ц. 75 к.

Тип. Т-ва Техн. Школы Наборн. и Печатн. Дѣла въ Спб. В. О., Ср. пр., 34.